

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 JUN 1939.

LES COSAQUES LIBRES

XIIe ANNEE.

10 ИЮНЯ 1939 г.

264

10 ЧЕРВНЯ 1939 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XII-й.

РІК ВІДАННЯ XII-й.

Содержание:

1. Юрист. Об основном законе В. К.
2. Украинцам з «Вістника» та їхнім однодумцям.
3. Иван Настоящев. Домой....
4. Б. Ольжинский. В стане русских казаков.
5. А. Ленивов. Богатства казачьих земель.
6. Казачья эмиграция.
7. Н. Ковалев. Бойтесь змей.

В БОЛЬШОМ СВЕТЕ

В центре больших международных интересов стоит вот уже почти два месяца вопрос о соглашении или союзе демократических государств Западной Европы с Советами. Москва вдруг сделалась не только центром их внимания, но и сама она стала неожиданно (для них) капризной и переборчивой невестой, которая знает, что за ней ухаживают и почему ухаживают...

Еще недавно престиж Сов. России в Европе стоял весьма низко, — особенно после поражения ее в Испании, после проигрыша в Китае, после паралича Лиги Наций... И вдруг — целое счастье на голову... Стать сразу большой величиной, решающей величиной в Европе — хоть у кого голова закружится....

Логично было бы поставить вопрос: как же все это произошло? Но, ставить так вопрос еще рано, ибо пока что это только «происходит», а чем кончится — можно только гадать. Может — произойдет, а может, и не произойдет... Во всяком случае, хотят, чтобы «произошло»....

Англия, которая все время вела антимосковскую политику, круто изменила теперь свое отношение к Москве.

В чем же дело? Почему они так хотят этого? — спросит удивленный читатель.

Все послевоенные вопросы, которые до сих пор решались в Европе или вне Европы, непосредственно английских интересов не затрагивали или были для нее «мелочами».

Кто следит внимательно за международными событиями, тот знает, что постепенно на первое место становится сейчас вопрос колониальный, в котором особенно заинтересована Англия. Некоторые части Европы перенаселены, другие нуждаются в сырье.... Поставлены большие вопросы о «жизненных пространствах»....

Все признают в Европе (по крайней мере говорят, что признают), что вопросы такие должны быть и могут быть решены. Как? — путем переговоров и соглашения или войной? — вопрос этот и стоит сейчас на очереди дня и ответят на него ближайшие месяцы, а может, и недели.

В этом споре Европа поделилась на два лагеря и один из них хочет привлечь на свою сторону и Москву.

Что расчеты на Москву не оправдаются, мы уже говорили в 261 номере «ВК». Даже, если союз будет заключен. К теме этой мы еще вернемся, когда вопрос о союзе будет решен в одну или другую сторону.

— Что представлял бы собою союз с большевиками, если бы он был заключен: Брак по любви? — нет. По расчету? — И расчет был бы немного странным. В самом деле: что общего было бы у «брачующихся»? Цели их — разные, характеры — тоже... В то время, как Англия и Франция заинтересованы в сохранении настоящего их положения, задача Сталина — мировая революция.

Поэтому, если бы такой союз и был заключен, вряд ли он был бы комбинацией прочной и искренней. Не верили бы друг другу прежде всего сами союзники.

— Несколько лет тому назад в некоторых государствах Западной Европы были созданы «народные

фронты». Сейчас их уже нет. Все они принадлежат прошлому.... В настоящее время, по инициативе Англии, проектируется некое подобие «народного фронта» в международном масштабе. Будет ли судьба его иной (если он осуществится), чем судьба «народных фронтов» в отдельных странах?

Англия не любила Советов. Советы не любили Англии. Сейчас они разговаривают, не доверяя друг другу. Какова цена их сговору?

Европейская демократическая пресса вбила в головы своим читателям, что без поддержки Советов, мир в Европе невозможен, а в случае войны победа без них сомнительна. Но:

заключит или не заключит Москва союз, в войну она не вступит, если она начнется в Европе. Сталин будет ждать, пока Европа не ослабит себя войною, а потом только попробует он бросить на чашу весов судьбы и свои силы — в пользу мировой революции...

Вот почему для Европы, по нашему, выгоднее и дешевле сговор без Москвы.

Сталин союзник неверный. Вместо усиления гарантии мира, может принести ускорение войны. Ибо по учению Ленина-Сталина международные войны — прямые пути к революциям....

Не вводить Сталина в Европу еще раз, а сговорившись, изолировать его в своей берлоге, — таков прямой и действительный интерес Европы.

А тем, кто говорит о свободе малых народов, о праве их на эту свободу, не следует забывать, что сейчас под Сталиным есть много несвободных народов, которые тоже имеют право на свободу, которые хотят ее и ждут только удобного случая, чтобы осуществить свои законнейшие стремления....

Если свобода народам, то пусть она будет одинаковой для всех!

* * *

В парижских газетах снова появились сведения, что папа Пий XII решил сделать новую попытку примирения между двумя лагерями Европы. Папские представители вручат, будто бы, правительствам Англии, Франции, Германии, Италии и Польше соответствующие ноты.

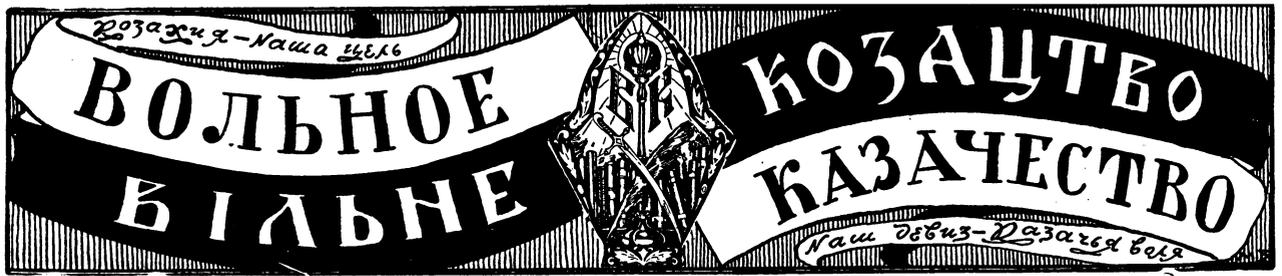
Германии и Польше папа рекомендует разрешить мирным путем данцигский вопрос. Франции и Италии советует начать переговоры в целях урегулирования спорных вопросов. Англии — воздержаться от заключения формального союза с СССР, так как «это могло бы осложнить международное положение»... Сам папа желал бы созыва конференции пяти держав (Англии, Франции, Германии, Италии и Польши).

По поводу этой новой попытки папы особенно заволновались сторонники соглашения с Москвой... И одна парижская газета спрашивает (6-го июня) тревожно: не будет ли мирная акция Ватикана сорвана преждевременным разглашением о намерениях папы?

Папа все же решил продолжать свои усилия в пользу мира. Он настойчиво указывает некоторым европейским государственным деятелям на ту тревогу, которую ему внушает современное международное положение и опасение, что нынешние разногласия могут привести к большому военному конфликту.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ

Не принятые к печати рукописи не возвращаются

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 8, rue Fantin Latour, Paris (16).

№ 264

10 июня. 1939. — 10 червня. 1939.

№ 264

ОБ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ „В. К.“

(КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ «В. К.»).

Редакция журнала «ВК» предложила автору настоящего юридического этюда представить критические замечания по поводу двух текстов Конституции «В. К.», — одного, появившегося на страницах журнала в 1932 году в Праге, и второго, опубликованного этим же журналом в 1939 г. в Париже.

Нам думается, что метод критического анализа является самым правильным способом проверки той трудной работы, которую взяла на себя редакция в данном случае. Трудность этой работы заключается, во-первых, в том, что при выработке текстов Основных Законов (Конституции), предназначенных лечь фундаментом государственной жизни того или иного общества, или группы, объединенной национальным порывом, необходимо очень ясно представить себе тот комплекс идей, которым воодушевлены руководители политического движения.

Конституция сдухотворяется идеями, а идеи подсказывают очертания тех гражданских установлений, существование которых должно определить рамки жизни гражданина в государстве и их взаимные отношения, равно как и гарантии этих отношений.

Вот в определении схемы этих гражданских установлений, вытекающих из комплекса политических идей, и заключается вторая трудность, которую пришлось преодолеть редакции журнала «В. К.», взявшей на себя роль законодательной комиссии Национального Учредительного Собрания, уполномоченной подготовить проект основного законодательства страны.

—«»—

Надо сразу же установить то бесспорное положение, что идеальных конституций не бывает и быть не может, ибо в самом однородном цивилизованном человеческом обществе (взять хотя бы, например, голосование конституционных

вопросов в порядке плебисцита в маленьких, по численности народонаселения, кантонах Швейцарии) национальная воля и народные решения создаются из столкновения бесчисленных множеств личных, партийных и групповых мнений и программ. Стоит только ознакомиться с политической историей, скажем, Франции и Сев. Ам. С. Штатов, чтобы увидеть ту колоссальную работу, которую приходилось проделывать, начиная с конца XVIII века, авторам бесконечного числа проектов конституций. Лучшие культурные силы страны — юристы, философы, публицисты, государственные деятели и др. — привлекались обычно к такого рода творческой работе. Каждый проект, каждая отдельная статья его, буквально каждая строчка статьи отражали целостные самостоятельные мирозерцания, философские и гуманитарные доктрины, политические правовые построения, а иногда и искусно скрытый под личиной науки эгоистический интерес той или иной группы, или класса, представленных в Учредительном Собрании, или в законодательной его комиссии. Все это вызвало страстные дебаты и политические бури в государстве.

Все попытки установить конституцию «раз и навсегда», т. е. конституцию, действительную и для грядущих поколений (такие попытки были во время Великой Французской Революции) неизменно кончались неудачей, ибо здравая мысль о непостоянстве политических идеалов всегда одерживала верх. Самым, быть может, ценным, что может приобрести думающий и размышляющий о жизни человек, это то положение, что никогда, ни при каких условиях и никто не может утверждать абсолюта идеи, представляющейся правильной ее автору. Только путем постоянной критики своей политической веры можно принести благо своему народу. В самых различных конституциях всегда предусматривалась возможность изменения основных законов, и если

не самого политического режима, то, во всяком случае, возможность ограничения, или, наоборот, расширения того или иного права, или той или иной обязанности, или установления того или иного государственного учреждения. Без изменения могли оставаться лишь *основные принципы* государственного устройства, как, например, принцип республиканского образа правления. Но и тут нам вспоминается один характерный эпизод из политической истории Франции, когда, после франко-прусской войны 1870 г., авторы проекта французской конституции 1875 года (весьма, между прочим, краткой) составили ее так, чтобы при известных условиях был возможен весьма легкий переход к... монархическому образу правления, и Национальное Учредительное Собрание, настроенное весьма неопределенно, проголосовало республику; большинством... одного голоса. «Путч» или «пронунциamento» маршала Мак-Магона, или ген. Буланжэ, могли очень легко изменить в тот момент политический строй Франции без того, чтобы нужно было изменять конституцию. Случилось, однако, так, что Третья Республика осталась и жива и по сей день.

Из всего этого явствует необычайная важность точного представления тех политических идей, которые, повторяем, должны быть положены в основу конституции.

—«»—

Редакция журнала «ВК» представила текст своего проекта конституции, как свою *политическую программу*, и предопределила ей схему государственных установлений той свободной и самостоятельной Казакии, мечты о которой должны, по мысли авторов конституционных текстов 1932 и 1939 годов, претвориться, при известных условиях, в реальность.

Работа, как мы уже указали, трудная в отношении плана идей, работа нелегкая и в смысле чисто технического, ибо создать спекулятивно, т. е. теоретически, безупречно стройную систему органов государственного управления для страны без непосредственного, вчерашнего сказали бы мы, опыта самостоятельной политической жизни, — задача ответственная и в отношении тех, кто мечтает о свободной Казакии, томясь в «конституционном» СССР, и перед теми, кто уже долгие годы ждет национальную свободу, будучи брошен почти двадцать лет тому назад в изгнание.

Поэтому мы полагаем, что авторы вышеуказанных конституционных проектов поступили, как уже было указано, совершенно правильно, отдав свое творчество на суд читателей — казаков и критику юристов — специалистов конституционного права. В этом жесте мы усматриваем несомненную заслугу авторов этих текстов, ибо мы убеждены, что в области каких бы то ни было политических идей, всякий сектаризм, всякое «всезнайство» и всякая излишняя самоуверенность губительны.

—«»—

Сравнивая два конституционных текста — 1932 и 1939 г.г. — мы прежде всего останавли-

ваем наше внимание на том обстоятельстве, что в тексте 1939 г. Основному Закону предшествует так называемая «Декларация Казачьей Воли». Декларация эта названа авторами «Вводным Конституционным Законом» и состоит из шести коротких статей, утверждающих в торжественной форме *волю к национальной независимости*, во-первых, и ряд руководящих *принципов*, во-вторых.

Просматривая затем самый текст Конституции 1939 г., мы часто встречаем в ней упоминание о Декларации и постоянные ссылки на ее незыблемость и значение, как идейной основы государственной жизни.

Декларация Воли занимает всего три четверти печатной страницы, тогда как Конституция 1939 г. состоит из 300 статей.

Семь—восемь лет тому назад авторы Конституции 1932 г. не видели необходимости в Декларации и нам представляется важным, прежде чем приступить к критическому разбору Основного Закона, проанализировать сначала вопрос о Декларации, как основе самого Основного Закона.

В самом деле, почему, собственно, могла зародиться у авторов мысль о Декларации? Какие аналогичные тексты известны нам в политической истории цивилизованных государств? Каковы моральная роль и юридическое значение подобных декларативных предисловий к конституциям? И, наконец, как следует оценить попытку наших авторов ввести Декларацию Воли, как вводный закон к Конституции «В. К.»?

Такой сравнительно-исторический анализ представляется нам наилучшим методом благожелательной, но независимой критики.

—«»—

Декларация Казачьей Воли!...

Естественно, вспоминается Декларация Прав Человека и Гражданина, провозглашенная «людьми Великой Французской Революции» в Национальном Учредительном Собрании (Конституанте) 18-27 августа 1879 года, и составившая предисловие или вводный закон к Конституции 3-14 сентября 1791 года.

Как раз теперь, нынешняя Франция отмечает столетие опубликования этого знаменательного акта воли французского народа, и в далеких полузабытых истоках пафоса людей, порвавших в конце XVIII в. с феодальной системой привилегий, ищет уроков мудрости и мужественного единения всей Нации в настоящий тяжелый политический момент.

Управляемый королем и господствующими классами, опиравшимися на исконные личные и наследственные привилегии, французский народ пожелал установить (*конституировать*, constituer) свою волю, свой закон, определяющий границы его *естественных прав* и его гражданских обязанностей. Как утверждают некоторые французские историки, именно с момента установления первого национального закона, первой конституции, французский народ и превратился во французскую Нацию.

Как нам уже пришлось писать на страницах

этого журнала, французская революция питалась, главн. обр., философскими идеями XVIII века Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Монтескье и школы энциклопедистов (Дидро, д'Аламбера и др.). Именно идеи этой плеяды мыслителей легли в основу первой французской конституции 1791 года, именно они нашли, сказали бы мы, свое концентрированное отражение в Декларации 1789 года. Вся либеральная, мыслящая, культурная и блестящая Франция той эпохи заключается в двух-трех страницах этого конституционного акта.

Семнадцать статей этой Декларации являются результатом огромной интеллектуальной работы всего мозга страны.

Напомним, что принятию и опубликованию Декларации предшествовал свободный отказ дворянства и духовенства от привилегий. Так был провозглашен и установлен конституционный принцип равенства.

Была ли необходима эта Декларация и какова, в сущности, была ее роль? Как поступали в подобных случаях народы других стран?

Если обратиться к политической истории Англии, стране классического парламентаризма, обычного права и, в сущности, стране «неписанной конституции», то мы увидим, что уже в начале XIII века английский народ добился основ индивидуальных прав, прав гарантирующих неприкосновенность личности и собственности (Великая Хартия Вольности 1215 года). В начале XVII века английский народ добывает свою знамениту грамоту Habeas Corpus Act, устанавливающую еще более точные границы права неприкосновенности личности (акты 1627-28 г.г. и 1688-1702 г.г.) и, кроме того, пределы королевской власти.

Это в сущности все, что на протяжении вековой политической истории Англии могло бы быть отнесено к области формальных актов и писанных декларативных принципов. Все остальное сделала сама жизнь, характер и традиции английского народа.

При сравнительном рассмотрении текстов обеих казачьих конституций мы вернемся еще к анализу механизма английского конституционного строя, пока же отметим лишь, по вопросу нас интересующему в данный момент, что только такая страна консервативных идей и традиционного отношения к свободе личности, как Англия, могла создать *неписанный основной закон-конституцию*, закон, пропитавший, можно сказать, насквозь сознание англичанина. Борьба английских королей кончалась всегда победой представительных органов, и даже суровый Кромвель не мог устоять перед оппозицией законодательных палат. И, однако, английский парламентаризм вовсе не олицетворял собою постоянно идеальное народоправство и Палата Общин и Палата Лордов вовсе не всегда представляли нацию равных. Пафос Деклараций был, видимо, чужд духу английского народа, что, впрочем, — (да будет нам разрешено сделать это смелое предположение) — и стоило Великобританской Короне ее северо-американских колоний: Сев. Ам. Соед. Штаты отделились от метрополии главным образом по-

тому, что консервативная Англия не нашла в себе ни пафоса примирения со свободным колониальным народом, ни понимания, скажем откровенно, новых принципов права личной, гражданской свободы. Как право не должно превращаться в мертвую, неподвижную во времени, догму, так даже и национальная политическая традиция не может оставаться формальным каноническим правилом во всех условиях вечно движущейся жизни.

Еще прежде, чем французский король Людовик XVI созвал в 1789 году уже давно не собиравшиеся Генеральные Штаты (т. е., совещание представителей трех сословий: дворянства, духовенства и, так называемого, «третьего сословия», т. е. не привилегированных классов, сословия, «сделавшего» в сущности французскую «буржуазную» революцию) — Конгресс Сев. Амер. Соед. Штатов уже ратифицировал в Филадельфии, в 1788 г., Американскую Федеральную Конституцию, коей предшествовала Конституция 1776 г, прокламировавшая в своей Декларации независимость Штатов, как свободного и национального государства: 4 июля 1776 года, за 13 лет до появления французской Декларации Прав Человека и Гражданина, Сев. Амер. Соед. Штаты об'явили себя свободными.

Томас Джефферсон был автором Декларации штата Виргинии (первого штата, об'явившего независимость и разрыв с метрополией), и, что совершенно несомненно, американская освободительная мысль (Венъямин Франклин, Блэкстон, английский философ Локк и друг.) вместе с идеями Реформы, оказали сильное влияние на авторов французской декларации.

Американцы, бывшие только колонистами земель, принадлежавших Великобританской Короне, порвали и с Англией, и с королевским режимом. Для национального подвига освобождения только еще формирующегося «народа» нужен был пафос, нужна была торжественность «прокламирования» и «клятва защиты» добытой независимости родины. На крутом повороте государственной истории, выковывая нацию, ни американцы, ни французы, не могли удовлетворяться холодным, точным юридическим текстом конституции: правовой язык нового порядка новых вещей должен был быть изображен особыми героическими, клятвенными письменами.

Оба народа предпослали своим освободительным конституциям Декларации, принципиальная сила которых имеет еще и теперь моральную силу позитивного законодательного текста.

Естественно, что и в Сев. Амер. Соед. Штатах, и во Франции, Декларации натолкнулись на возражения «реалистов». «Зачем», — говорил с трибуны французский депутат Генеральных Штатов Малуэ, — «переносить людей в заоблачные выси, показывая им огромные дали, им принадлежащие, когда спустившись они найдут неизбежные житейские ограничения на каждом шагу...» Но, несмотря на возражения, подчас весьма неотразимые в своей логике и жизненной правде, большинство представителей народа требовало *деклараций принципов*, как за-

вещания свободы и независимости грядущим поколениям.

Это о пафосе освобожденных народов. А какова же *юридическая ценность* этих законодательных актов?

Если Американская Федеральная Конституция, изменяющаяся и дополняющаяся не раз особыми «amendments» (дополнениями), остается формально в силе до сих пор, Франция переменила за 150 лет одиннадцать конституций. На Декларацию 1789 года основные законы Франции уже давно не ссылались и, фактом опубликования новых конституций, без деклараций, Декларация 1789 года была отменена, как неразрывная составная часть Конституции 1791 года. Единственно конституция жирондистов 1792 года (не вошедшая в силу), в разработке проекта которой принимали особое участие Кондорсе и Робеспьер, предусматривала проект декларации; то же случилось с проектом конституции монтаньяров (1793 г.). Затем последовал, как нам известно, период Директории, Консулата и Первой Империи, прошедшие под знаменем постепенного роста идей сильной власти Наполеона I... Затем мы видим Хартию 1814 г. возвратившегося из эмиграции Людовика XVIII... Все это напоминает нам потускневшие страницы позолоченного когда то переплета. Затем снова «авторитарно-либеральный» взлет Наполеона, бежавшего с о. Эльбы, его «сто дней» и... Ватерлоо. Реставрация со вспышкой 1830 и 1848 г. ... новые конституции, новые декларации... Вторая Империя, разгром Седана и короткая, без декларации, Конституция 1875 года. Вот начало и конец конституционной истории Франции.

И все же — будем беспристрастны, анализируя политические судьбы Франции — *моральная ценность* Декларации Прав Человека и Гражданина 1789 года, текст которой расклеен во всех школах Франции, такова, что даже юридическая доктрина (во главе с проф. Дюги) склонна считать ее положительным, т. е. действующим законом, прокламирующим неизменные и вековые принципы республиканского режима.

Можно было бы подвергнуть анализу целый ряд более поздних конституционных актов, содержавших декларации, но, в сущности, это мало что прибавит к нашим выводам.

Так, например, советская власть в самом начале своего опыта «интегрального социализма» опубликовала, было, свою декларацию, «декларацию эксплуатируемого класса», — акт, наполненный желчью, мстью и кровью. Декларация эта была затем отменена и не вошла в конституцию 5 декабря 1936 года.

Германская декларация-введение к Франкфуртской Конституции Рейха 1848 года, отмененная в 1851 году постановлением Федерального Совета, провозгласила «основные права гражданина» под влиянием французской революции 1848 года и тогдашней, весьма либеральной, бельгийской конституции. Но ни конституция Германской Федерации 1887 года, ни конституция Германского Рейха 1871 года, не сопровождалась декларациями и в них не упоминалось об основных правах гражданина.

Консолидировавшаяся Германская Империя заменила героический пафос революционных прав гражданина приматом государства, являющегося наилучшим средством выявления каждым немцем его гражданских способностей и патриотического долга (теории Фейербаха, Менгера и других).

Американо-французская либеральная философия конца второй половины XVIII века и вспышка либеральной революции 1848 года, казалось, отзвучали. На сцену появились новые теории о «гражданине, принадлежащем государству».

И, как ни странно, даже Веймарская конституция 1919 года, республиканская конституция Гуго Прейса и Эберта, не воскресила пафоса Декларации Прав Человека и Гражданина: созданный главным образом германскими социалистами и социал-демократами, этот акт новой государственности, построенный на развалинах монархии Гогенцоллернов, как это ни противоречиво, вместо либерального строя показал оскал победы коллективизма над индивидуализмом, оскал «свободы в социализме». Как писал профессор парижского юридического факультета Жидель, «Веймарская конституция вернулась, было, к демократическим принципам Французской Декларации 1848 г., но пошла дальше ее, пытаясь сочетать индивидуалистическую концепцию с... советским коммунизмом, только что взорвавшим Россию, и в результате марксистский принцип, положенный в основу новой Германии, поглотил подлинный принцип народоправства». Веймарская конституция была отменена с приходом к власти А. Гитлера.

Освобожденные, или расширенные системой Версальского и других трактатов 1919 года, Литва, Эстония, Финляндия, Польша, Чехо-Словакия и Румыния не прокламировали в декларативной форме основных прав гражданина и создали конституции управляемых демократий (Чехо-Словакия, Польша, а затем Латвия и Югославия) с сильной центральной исполнительной властью.

Вот, в очень кратких чертах, история конституционных деклараций, история национального пафоса человечества, поднимавшегося в исторические моменты до величайшего героизма в борьбе за свободную мысль и жизнь, за основные права равных среди равных, за гражданские свободы и национальную независимость, — пафоса, тускневшего иногда в соприкосновении с реальной жизнью и превращавшегося, подчас, в карикатуру и проповедь коллективизма.

От французской Декларации Прав Человека и Гражданина до... Веймарской Конституции, подчинявшей гражданина социалистическому коллективу... до отвратительной проповеди ненависти и мести, прокламированных «декларацией» коммунистических Советов, — вот путь, пройденный человечеством в поисках равенства, путь от разбитых цепей абсолютной монархии XVIII века до цепей большевизма.

За последние годы произошло много событий, и история политических учений пополнилась новыми доктринами. В той, или иной форме декларированы новые *принципы сочетания*

прав гражданина и прав Нации. В демократические режимы введена концепция усиленной исполнительной власти и принцип ограничения гражданских прав во имя интересов нации и государства. В экстремистскую «установку» советизма введен псевдо-конституционный элемент...

Нации ищут, каждая по своему, свои основные законы, свои уставы жизни.

Из этого краткого историко-политического очерка можно уже, надеемся мы, установить, вернее почувствовать, *значение декларации*, «открывающей двери», по словам одного из делегатов французского третьего сословия в Учредительном Собрании 1789 г., «в царство конституционной свободы».

—«»—

Что же устанавливает Декларация Воли Казачьей Конституции 1939 г.? Какую свободу, какой строй? Какие принципы лежат в ее основе? Чем руководились ее авторы и какими идеями желают они осуществить национальную свободу казаков?

Вот новые вопросы, на которые может ответить лишь подробный анализ текста самой Декларации Воли.

Итак, авторы второго проекта Конституции «В. К.» (1939 г.) предпослали ей декларацию, состоящую из шести статей, которую и назвали «Декларацией Казачьей Воли».

Первая статья является очень сухим, но чрезвычайно точным изложением комплекса тех политико-исторических идей, которые авторы проекта считают, видимо, *программой* казачьего освободительного движения.

Действительно, авторы указывают в этой статье на особый традиционный, житейский уклад Казачества и на связанность его с моральными ценностями его исторического прошлого. Только по одному этому пункту можно было бы написать историческое исследование, и именно потому, что «можно было бы написать», автор настоящего очерка не считает нужным останавливаться на исторической части анализа ст. I Декларации Воли.

Много было потрачено усилий разными исследователями для того, чтобы установить точный критерий, когда именно, при каких фактических обстоятельствах, при каких юридических, экономических и иных условиях наступет момент, когда можно сказать, что у той, или иной, группы есть «право на национальную свободу», право назвать себя «нацией» и попытаться эту свободу установить, как реальность. Не нужное и почти всегда лицемерное занятие. (Не так давно «демократ» П. Н. Милоков, на страницах своей газеты, издающейся в Париже, весьма пространно доказывал, что Украина не имеет права на национальную самостоятельность потому, что у нее нет... интеллигенции — (уж не той-ли интеллигенции, дряблой и неумеющей защищать свою родину, которую культивировали друзья Милокова на радость... большевикам?). Автору этого очерка пришлось дать на страницах журнала «В. К.» (см. наша статья «Воля к самостоятельности», 10.XII.37,

№ 234, и «Право на Волю» — 10 и 25.XII.38, номера 253 и 254) довольно подробный исторический анализ этого вопроса. Наше беспристрастное исследование свелось, в конце концов, к одному положению: *национальное сознание творится долгой внутренней духовной работой и осуществляется сильной волей*. Большого не скажешь, все остальное — от лукавого. Так было, так, видимо, и будет.

Первая статья рассматриваемой нами Декларации и установила этот момент необычайно точно и просто: Казачество, говорят авторы Конституции «В.К.» 1939 г., *осознало себя нацией* и прокламирует себя таковой.

Несколько торжественный, приподнятый тон о «несокрушимой воле», о «славной истории» и «святых традициях» совершенно естественен. Все французские, американские и германские декларации начинались в гораздо более выпяченных выражениях, то «обожествляя» народ, то обращаясь — (весьма редко, впрочем) — к Богу и как бы перенося «помазанничество» с монарха на суверенный народ, то находя нужным в предисловии бросить камнем в поверженных «тиранов» и «обличить» тот, или иной, «бесчеловечный» режим и т. д. и т. д. Часто на эти пламенные словоизлияния, блестяще звучащие с трибун, уходили страницы восхваления «грядущей эпохи» — (особенно сильны по части этих дифирамбов оказались большевики) — и «священной свободы»... Все эти чудесные слова блекли в соприкосновении с действительностью, а иногда превращались в кровавую карикатуру провозглашенного принципа... Стоит только вспомнить «сентябрьские убийства» Французской Революции и «работу» «революционера-мечтателя» чекиста Дзержинского.

Ничего подобного мы не находим в Декларации Казачьей Воли. Все очень просто, кратко, ясно. Никакого ораторского дурмана, никакого самолюбования.

Отметим также и то обстоятельство, что авторы Конституции чрезвычайно удачно, по нашему мнению, назвали свою декларацию Декларацией ВОЛИ, именно воли... В этом чувствуется волевое напряжение и мужество. Однако, нам представляется, что, если бы покопаться в старой казачьей речи, то может быть нашлось бы слово, которым можно было бы заменить и самый термин «декларация»... не знаю какое это слово, не приходит на память, но казакам-знатокам своей старины есть над чем подумать.

Итак, что же устанавливает эта Казачья Воля? Авторы отвечают: *национальное, свободное и независимое государство, — республику*.

Ничего лишнего: свобода, но свобода *реальная*, выражающаяся в *политической независимости*, а не «свобода» дарованная, свобода-автономия, свобода относительная.

Авторы Декларации Воли предвосхищают государственный строй — республику. По всей видимости, республиканский строй, в сознании авторов программы В. К., соответствует исторической традиции Казачества. Не претендуя ни в какой мере на глубокие знания политической истории казачества, мы позволяем все же подчеркнуть преемственную связь этого пункта

Декларации Воли со старыми, исчезнувшими вольными Казачьими Республиками и их неписанными законами — («...кто в Бога верует, в бою храбр бывает, тот и Казаком, а значит и Атаманом быть может...» — вот простой «основной закон» Запорожской Сичи!).

Напомним также, раз речь идет не только о критике, но и о комментарии, что «республика» (т. е. «общественная вещь») вовсе не предвосхищает непременно ультра-демократического образа правления; — равенство всех перед законом, как мы увидим позже, вовсе не обязывает преклоняться перед волей разнузданного, иного иной раз, «коллектива», а следовательно, и не должно заключать, что республиканец обязательно и непременно должен копировать все гражданские установления демократий... В особенности это относится к системе избирательного права и к компетенции исполнительной власти. Все зависит от определения границ этой власти и распределения компетенции между ней и органами законодательными и законосовещательными: так Сев. Амер. Соед. Штаты, где президент глава исполнительной власти, назначающий министров (вовсе не обязательно из состава парламента) и имеющий право «вето» (запрещения) в отношении решений обеих законодательных палат, представляют собой совершенно иную систему республиканского правления, нежели Франция, конституция которой (1875 года) сводит до минимума фактическую власть «первого магистрата Республики... (вспомним конфликт между Палатой Депутатов и Президентом Мильераном, которому пришлось, под давлением Палаты, подать в отставку до истечения срока его президентских полномочий, — вспомним попытку покойного Президента Гастона Думерга в 1936 г. изменить это положение вещей). Общим, однако, в этом республиканском содержании является то, что, в конечном счете, власть, построенная так, или иначе, принадлежит суверенной Нации, в отличие от монархического образа правления.

Вот эту *суверенность нации* авторы текста 1939 года и желали подчеркнуть особо: ни обожествленной личной власти избранного, ни власти наследственной и суверенной, но *общая вещь* — республика.

Единственно с чем мы не согласны по поводу этой весьма ответственной первой статьи, это с редакцией начальной ее фразы: «утверждение *этнической* природы казачества...» Во-первых, вопрос о племенном происхождении Казачества не в достаточной степени ясен. Во-вторых, Казачество различных Войск вовсе не представляет собой гомогенной (однородной) этнографической группы, и калмыки, киргизы, горцы принадлежат, несомненно, к иным племенным ветвям, нежели, например, кубанцы, переселившиеся из Запорожской Сичи на Кубань. Словом, какой-то поток крови «иногородних» (украинцев, великороссов и проч.) влился, благодаря миграциям и смешанным бракам, в Казачество. В третьих, как нам уже пришлось писать в вышеуказанных статьях, это не имеет, с нашей точки зрения, никакого значения: важно *осознать* себя казаком, важно духовное и физическое, сказали бы мы, слияние с казачьим бы-

том: «национальность», как писал в начале XX века французский юрист Вейс, представитель Франции в Гаагском Трибунале. «определяется культурой, воспитанием, традициями и жизненными навыками». Лучше, пожалуй, слово «этнической» просто вычеркнуть; первая статья Декларации не только ничего не потеряет, но только выиграет, избавившись от спорного и, скорее пропагандного, нежели научного и точного термина.

Таким образом, статью I Декларации Воли можно рассматривать, как в отношении юридического, так и со стороны моральной, как исходный пункт политической программы В. К.

—«»—

Декларация Воли названа «вводным конституционным законом», что определяет ее юридическую природу: провозглашение *общих* принципов, долженствующих лечь в основу всей конституции и всего общего законодательства. Ближайший анализ конституционных проектов 1932 и 1939 г.г., часто ссылающихся в отдельных статьях на ненарушимость принципов Декларации, в полной мере подтверждает эту мысль.

Декларация предопределяет, по мысли ее авторов, и название того государства, политическую свободу которого она прокламирует: *Казакия*. Нам думается, однако, что политическая партия, провозглашающая освободительное движение федеративного государства — (а как мы увидим далее, именно о *федеративном* государстве, т. е. о союзе отдельных Казачьих Войск-государств идет речь в обеих конституциях) — не должна была бы определять этого названия, предоставив это Национальному Учредительному Собранию освобожденных Казачьих народов.

Как мы уже отметили, авторы первой конституции 1932 г. не нашли нужным предпослать вводного закона своей конституции. Мы не хотим видеть в этом опущении юридической «ошибки», ибо техника конституционного права вовсе не предусматривает обязательности декларации. Скажем только, что это обстоятельство, т. е. отсутствие «манифеста воли и принципов», предопределило весь характер конституционного текста 1932 г., сделав его более сухим, академичным и менее жизненным, чем текст 1939 года.

Что случилось с движением В. К. за эти семь-восемь лет? Стало-ли оно более распространенным и сильным внешне? Укрепилось-ли оно глубже в сердцах и сознании казаков? Сказалось-ли влияние последних политических событий? Автор этого критического этюда не может ответить на эти вопросы. Его задача комментатора-юриста — остановиться на этой черте. Он может сказать лишь, что с его точки зрения авторы Конституции 1939 года поступили правильно, опубликовав Декларацию Воли, ибо в движении, где превалирует *волевой* вопрос: установить совершенно новый правовой порядок вещей — серьезный и сдержанный пафос играет весьма важную роль, постольку постолько, конечно, формулировка его отвечает

действительному настроению, и, скажем больше, сознанию национального долга и личной жертвенности во имя Родины.

—«»—

Статья II Декларации укладывается в двух-трех строках и чрезвычайно интересна, ибо она прокламирует совершенно новый принцип *связанности* и отношения между личной свободой гражданина в государстве и вечно-свободной жизнью того национального «комплекса-группы», к которому он свободно принадлежит — (именно, свободно принадлежит, как в этом мы убедимся позже, анализируя в конституции вопрос о национальности).

«Казак рождается свободным...», и в этих трех словах заключается, по нашему мнению, целая доктрина, напоминающая нам героический пафос французской Декларации 1789 года (ст. I): «Все люди рождаются свободными и остаются свободными и равными в правах...» Но, в то время, как французская Декларация сочетала свободу личную с равенством перед законом, американская декларация говорит — (опустив принцип равенства) — только о свободе, — свободе естественной и национальной. Авторы Казачьей Конституции 1939 г. не приняли ни системы французских юристов, ни системы их американских коллег. Провозгласив в ст. II свободу, они в этой же статье дали ей определение и назначение: *передача этой индивидуальной свободы своей Родине*. На этом следует остановиться: ...

Было-бы легко анализировать этот пункт программы В. К., если бы перед нами находился текст ответственного проекта-трактата, или речи депутата-докладчика, автора настоящего конституционного проекта. Это было бы нормальным, ибо все проекты обсуждаются и дискутируются в Учредительных Собраниях и его Комиссиях, и только таким способом дошли до нас французские, американские, германские и иные комментарии конституций и деклараций. Но ни того, ни другого, в силу особых обстоятельств, в данном случае в нашем распоряжении нет. Нам приходится, следовательно, оперировать только лишь с текстом, стараясь уловить, по возможности точнее, мысль и намерения авторов Конституции и Декларации Казаков.

Свободу трудно представить себе без равенства в правах, и, в этом смысле, мы склонны предпочесть идеи французских юристов концепциям американцев. Но первая французская Декларация связывает свободу с равенством непосредственно: нет личной свободы там, где нет равенства перед законом. Авторы рассматриваемой статьи II Декларации Казачьей Воли установили между понятиями личной свободы и равенства новое положение, новое условие и новый, следовательно, принцип: принцип передачи ее Родине, т. е. самоограничения, ограничения личных интересов во имя интересов страны, — самоограничение, впрочем, очень точно определенное затем текстом самой Конституции. Что же случилось, спросим мы, с принципом равенства? Существует-ли он в сознании

авторов критикуемого текста, и в чем, собственно, заключается это равенство свободного гражданина, «отдавшего свою свободу Родине»?

На этот вопрос отвечает статья IV Декларации Воли; в ней надо искать разрешения вопроса, который, конечно, не может не волновать идейного республиканца. Ст. IV говорит, что «Казачество строит свою государственность на принципе равенства всех перед законом Республики...»

Как же угадать ту политическую доктрину, которая легла в основу ст. ст. II и IV Декларации Воли, разделив личное равенство и личную свободу особым понятием вечно свободы Родины и равенством индивида-гражданина в соборной Казачьей? Единственно правильным объяснением нам представляется следующее: прокламированная в 1789 году «индивидуальная свобода», противопоставленная жизни страны, выражалась часто в хаосе и анархии, что вызвало, естественно, известное противодействие. Последующие декларации (Конст. 22 фримэра VIII года, Хартия 1814 г. и др.) и конституционные акты XIX века постепенно подчинили свободу индивида усмотрению государства и впадали, следовательно, в другую крайность, ибо «государство», как некая отдельная от индивида сущность, *противупоставлялось* последнему — (отсюда отчасти и развитие, во второй половине XIX века, идей фурийеризма, бланкизма и марксизма). Это чисто политическое положение вещей имело своим следствием ряд революций (июльская революция 1830 г. и революция 1848 г. во Франции, венгерское восстание и проч. и проч.), и новые политические акты пробовали восстановить, было, индивидуальную свободу, не связывая ее, однако, ни с традиционной свободой XVIII в., ни с понятием соборного государства, совпадающего с индивидуумом, с родиной, как «эманацией» гражданина. С тех пор прошли десятки лет и Европа, переключив не раз географическую карту, никак не могла стабилизировать распределение свобод национальностям и государствам... Целый ряд новых доктрин дополнил коллекцию старого багажа политических программ и человеческих исканий. Появились, с одной стороны, авторитарные учения, и, с другой стороны, демократии — в виде должно быть контр-баланса — стали «управляемыми».

В настоящей статье нет возможности, хотя бы и в самой краткой форме, изобразить историю политических учений XIX и XX веков. Всем нам, однако, известно, что «демократическим» доктринам противопоставляются доктрины «авторитарные», или как их почему-то называют «тоталитарные», и страны демократические, будь то республики, будь то английская парламентарная монархия, прокламируют «народоправство». Точный же перевод термина «демократия» и есть, в сущности, «народоправство». Значит, «народ правит» и в демократических государствах, и в государствах тоталитарных по разному, но все же «правит».

В намерении автора этого очерка вовсе не входит ни обзор, ни критика ни той, ни другой группы доктрин; для этого мы отсылаем интересующихся к специальным трудам, об этом пи-

шут ежедневно газеты всех национальностей и политических оттенков. Нашей же задачей в данный момент является определить то место в системе современных политических построений, которое занимает, по мысли авторов Казачьей Конституции, программа ВК, выраженная в Декларации Воли.

Напомним еще раз, что с нашей точки зрения каждый народ сам находит свою форму правления и сам пишет свой основной закон; никогда рабские подражания в области политической жизни не давали и не дают хороших результатов, ибо слишком различны температуры и традиции разных народов, а потому займемся только казаками и их формой «казакоравства».

—«»—

Если в демократиях индивидуальная свобода не совпадает со свободой страны и нация отделена от индивида — (по крайней мере теоретически, ибо на практике и демократические страны принуждены, в силу обстоятельств, ограничивать личные гражданские свободы и связывать две свободы, коллектива и индивида, в одну свободу, свободу национальную), — то в странах, называемых тоталитарными, личность вовсе поглощена государством и, теоретически, идеал Великой Германии и Великой Италии заключается в уравнении (эгаллизации) воля и свобода: общий фокус преломления идеалов является, или должен явиться, верой каждого гражданина, кто думает иначе — ошибается. Тут, должно быть, сказались старые германские правовые теории о значении государства в жизни индивида и мистическая вера в мировые миссии Рима и Берлина.

Авторы Конституции Казаков, видимо, не пошли ни по пути демократий, ни по пути тоталитарных держав. Их система иная и она оказалась в ст. II, а затем и в ст. III вводного конституционного закона, Декларации Воли.

Если в ст. II говорится о свободе с момента рождения и о слиянии этой личной свободы со свободой Казачьей Нации, — если ст. IV утверждает равенство всех перед законом, то ст. III углубляет идею авторов Конституции, и сообщая всему Казачеству суверенность, как и свободу, «делегируемую им сознанию и воле лучших его избранных».

Итак, свобода, равенство перед законом и суверенность Нации, как бы заключенные в слиянии Казака и Казачества, гражданина и Нации — вот основной пункт доктрины В. К., как мы его себе представляем после изучения интересующих нас текстов.

Ст. III Декларации напоминает нам ст. 3 Декларации 1789 г.: «принцип всей суверенности покоится на нации и никакой орган и никакой индивид не может быть облечен властью, если эта власть не происходит из суверенитета нации» Приблизительно также говорит о национальном суверенитете (power) и декларация американская.

Более точное толкование понятия свободы и суверенитета будет нами предложено вниманию читателя при анализе текста самого Основного Закона (Конституции). Установим здесь лишь

то обстоятельство, что суверенный свободный народ делегирует и свободу и суверенность его представителям им же самим избранным. Следовательно, ни «обоожествления» личности, с обычным в таких случаях рабским подчинением последней, ни анархической личной свободы, которая, по словам Боссюэта, создает такое положение, при котором «каждый имеет право делать то, что он хочет, но никто не может делать то, что он желает».

Анализируя дальше ст. IV, мы видим, что, во избежание всяких произвольных толкований, авторы Декларации говорят о «государственной форме народоправства».

Таким образом, без всяких экивоков, Декларация Воли определяет доктрину движения В.К. Дальше авторы Конституции перечисляют в Декларации основные свободы Казака-гражданина.

Много авторов проектов деклараций и конституций самых различных стран пытались перечислить те свободы, при наличии которых только и стоит жить, но ни одна не дала перечня, который удовлетворил бы всех. И подлинно, человеческая жизнь так многогранна, так сложна, так текучи ее интересы в различные периоды, что метод перечисления не может дать полного удовлетворения.

Кроме свободы и равенства всех перед законом, кроме национального суверенитета и народоправства, авторы Декларации утверждают принципы (ст. IV) неприкосновенности личности, уважения к достижениям всех в области труда, согласно способностям каждого, права на жизнь, на работу и на общественное признание, право на собственность, свободу совести, убеждений и религиозных культов, право на свободу союзов и на независимый от исполнительной власти суд и, наконец, право на участие в строительстве государства.

Принцип неприкосновенности личности... Тут несомненно влияние английских теорий, английского Habeas Corpus Act'a. Достоинство гражданина не может быть охранено иначе, как правом на предъявление ему мотивированного обвинения, в течение кратчайшего времени, в случае его ареста государственными органами власти, и иначе, как правом его на независимый от администрации суд. Принцип разделения исполнительной, законодательной и судебной властей, положенный в основу конституционных текстов «В.К.», подробный разбор которых мы представим в следующих очерках, является отзвуком философской теории Монтескье («Дух законов» 1748 г.), парализует всякий административный произвол и является лучшим способом охраны чести.

Право на собственность... Полное отрицание коммунистических принципов и теории марксизма. «Неотъемлемое» право на собственность, провозглашают авторы Декларации, и это должно понимать, думается нам, в том смысле, что частное право собственности может быть ограничено, даже в интересах государства, лишь в порядке «экспроприации» и справедливого вознаграждения. «Неотъемлемость» исключает всякого рода национализации, конфискации, коллективно-принудительное хозяйство и про-

чие лишения и ограничения прав на собственность. В тексте конституции мы находим статьи, посвященные этому вопросу.

Земледельческое (по преимуществу) государство Казаков должно быть построено, по мысли авторов конституции, на *свободе труда на своей земле*. Это несомненно один из важнейших элементов программы В. К.

Уважение к достижениям всех в области труда, *согласно способностям каждого*... Тут мы находим также элемент, наносящий страшный удар по идеям коллективизма, удар, извлеченный, как это ни покажется парадоксальным, из архива политических идей школы социализма XIX в. «Каждому по его способностям», писал Прудон, отвечая Марксу — (на сочинении Маркса «Философия Ниццеты», Прудон-социалист ответил острым памфлетом «Ниццета Философии») — «каждой способности *по ее делам*»... добавил Ф. Лассаль, буржуа-либерал и элегантный философ социализма, боявшийся, впрочем, вульгарного коллективизма.

Этот принцип можно трактовать, как признание личной инициативы в труде, равно как и принципа равенства в достижениях на общественной лестнице.

Право на жизнь, работу и общественное признание: мы склонны думать, что «право на жизнь» имеет, пожалуй, характер скорее «манifestационный», чем юридический, своеобразного пафоса, нежели точного принципа. В самом деле, и «жизнь» и «право на жизнь» варьируются бесконечно в связи с различными представлениями о благе, счастье, о цели и средствах земного существования. О праве на жизнь прокламируют и самые крайние экстремистские программы. Нам представляется более целесообразным избегать в Декларации всего того, что не может быть интерпретировано точно и ясно, тем более, что отсутствие в Декларации «права на жизнь» ничего решительно не меняет.

Право на работу и на общественное признание. Тут мы видим влияние социальных идей в праве. Гражданин не должен представлять собой беспомощного искателя места в национальной семье, искателя, принужденного часто, силою вещей, прилагать свои знания и способности, по выражению Спасовича, «на опушке уголовного леса и гражданского поля». Государство, как выражение и олицетворение национальной свободы и суверенитета, не может оставаться безучастным к судьбе своего сочлена, ибо последний *совпадает* в свободе, в счастье и в несчастье, со своей родиной. Общественное признание — все то же влияние идей социального права гражданина в отношении своей родины, как эквивалент права родины на своих граждан.

Свобода союзов, совести, убеждений и религиозных культов. Даже Декларация Прав Человека и Гражданина 1789 года не содержала этих прав; в отношении религии она прокламировала лишь «толерантность», т. е. терпимость. Отказавшись от мысли построить полицейское государство, нормирующее всю жизнь гражданина, авторы конституций «В. К.» не сочли возможным игнорировать священнейшие права граждан на объединение и на свободу их совести.

Нам представляется, однако, что принцип отделения Церкви от Государства — (изложенный очень подробно в самом тексте конституции 1939 года) — должен был бы быть хорошо и ясно прокламирован в Декларации, ибо «свобода религиозных культов» вовсе не предполагает еще обязательного отделения Церкви от Государства; принцип же свободы Церкви и отказ ее от участия в земной, политической жизни настолько важен — (принимая во внимание историческое прошлое этого вопроса) — что он должен фигурировать в Декларации основных принципов.

Наконец, ст. IV говорит о «праве на участие в строительстве своего государства». Сам по себе этот принцип не представляет собой самостоятельного элемента и является в сущности развитием теории личного суверенитета (ст. III Декл.), переданного гражданином государству. Может быть здесь сказывается теория «Социального Контракта» Ж. Ж. Руссо, — может быть отчасти новейшие теории, общие одинаково и режимам демократическим и тоталитарным. Мы не можем с точностью установить происхождения этого права, но мы можем с уверенностью сказать, что оно является логическим завершением системы прав гражданина, прокламированных Декларацией Воли.

Мы не находим в этом перечислении ни прав женщины на политическое равенство с мужчиной, ни определения избирательной системы. Текст Конституции и Декларации глух по этому первому вопросу и слишком краток по второму. К вопросу об избирательном праве нам придется вернуться несколько позже.

—«»—

Наконец, статьи V и VI Декларации завершают цикл ее: «Казачество утверждает себя, в сознании и стремлении к государственно-национальному единству, как социальную, экономическую и моральную реальность, как совершенный строй, приемлющий самые смелые политические и социальные опыты, не нарушающие гармонии давних заветов Казачества: Чести и Свободы» (ст. V).

И, наконец: «Казачество торжественно прокламирует осуществление своей традиционной мечты: свой Дом, свою Республику, свою Казакию» (ст. VI).

Тут мы видим и чистый торжественный пафос, утверждающий национальное существование Казачества, свой «Дом», как «реальность», и отказ от консерватизма в области государственных идей («Stillgang ist Rückgang» — стоять на месте, значит двигаться назад»). Авторы текстов дают как бы торжественную клятву принять те политические и социальные опыты, которые будут подсказаны жизнью. В этом обещании можно было бы усмотреть и некоторую опасность, если бы Конституция не предусматривала системы изменения ее и дополнений к ней в порядке законодательной инициативы представительных органов республики.

Мы рекомендовали бы, однако, вычеркнуть слово «совершенный», в ст. V и сказать просто, что Казачество считает свой строй изменяемым

по мере надобности. Утверждение «совершенности» носит характер некоторой самоуверенности, которую следовало бы избегать.

Традиционные честь и свобода Казачества определены и избраны авторами Декларации, как условия, обязательные для Казачества при всех обстоятельствах жизни и при всех политических системах; это лучше утверждения о «совершенности» прокламированного строя. Нет чести, нет свободы, — нет и воли. Эта мысль звучит чем-то вроде права на восстание, если по той, или иной, причине, честь или свобода будут нарушены, или ущемлены. Правда, понятие чести также не просто поддается определению, как и понятие свободы, но каким бы условным это право на честь ни было, необходимый минимум его несомненно ощущается каждым гражданином-казак, пропитанным духом воинских традиций.

—«»—

Вот краткий обзор Декларации Воли, текста прокламирующего основные принципы Казачьей жизни в своем Доме. Мы ограничимся этими замечаниями, ибо при анализе самой Конституции в двух ее редакциях, нам придется еще не раз возвращаться к Декларации и развивать отдельные ее положения, предопределяющие Основной Закон Казакии.

Скажем в заключение первого очерка, что для того, чтобы Декларация принципов была действительной, необходимо, во-первых, разделение законов страны на три категории: Декларацию, Конституционные (Основные) законы и законы общие. Необходимо также, чтобы Конституция принадлежала к категории таких законодательных актов, изменение которых сравнительно легко и, во всяком случае, возможно. Третьим условием действительности Декларации является возможность и право на проверку «конституционности» (т. е. соответствия конституции и декларации) общих законов и актов административной юстиции. И, наконец, четвертое условие — разделение исполнительной, законодательной и судебной властей.

Все эти гарантии должны иметь место в Конституции, являющейся логическим развитием Декларации.

Только такое правовое положение в стране может удержать Декларацию принципов на высоте позитивного, обязательного закона, действительно охраняющего подлинную национальную свободу, так горячо прокламированную Волей.

(Продолжение следует).

Юрист.

Українцям з „Вістника“ та їхнім однодумцям

(Де Крим, де Рим, а де попова гребля?).

I.

В попередньому числі «ВК» ми обіщали зробити деякі коментарії, що до статті п. Євгена Лугового, що вміщена була в 4-ій книжці українського журналу «Вістник» за цей рік, і зробить їх виключно для українців. Робимо ми ці свої коментарії-відповідь «Вістникові» (як робили їх і іншим українським органам, що писали дурниці в козачій справі чи в козачому питанні) лише тому, що гадаємо, що ті нерозумні українці, які плекають ненависть до козачого визвольного руху та стремлять козацтва до державної самостійності, шкодять перш за все своїй українській справі; що гадаємо, що серед українського загалу ми найдемо порозуміння більш сприяюче для нас, що до позитивного приятельського вирішення козако-української проблеми, і що, нарешті, й українці визнають, що справа ця є справа, що не терпить дальшого далекого відкладання, бо в доброму скорому вирішенню її зацікавлені обидві сторони однаково...

Перш, ніж перейти до обіцяних нами коментарій, мусимо підкреслити самий той тон, в якому пишуть про козаків всякі пани Лугові, та те загальне вражіння, яке він робить на козаків, як і ті наслідки, до яких він, тон, цілком логично веде. Таким тоном писали й пишуть про нас росіяне і за це багато козаків зненавиділо їх. Хотять цього і українці? Своім брутальним чи легковажним тоном, в якому писали чи зверталися до козаків

росіяне, вони багато козаків «вилічили» од усяких «сантиментів»... Хотять цього і українці?

— « » —

Отже: «де Крим, де Рим, а де попова гребля?»...

Наше загальне вражіння після прочитання статті п. Є. Лугового є, що він, Луговий, козаке питання студіював по книжці п. Павла Сулятицького: «Нариси з історії революції на Кубані» (Матеріяли до історії української революції, Прага, 1926). В усякому разі, п. Луговий читав її і багато дечого взяв з неї, бо загальний дух статті Лугового дуже й дуже відає духом того ненавистника козацтва.

Але далі ми ще матимемо нагоду повернутися до цієї праці.

Зараз же звернемось до статті п. Лугового.

«Відомий» українець незадоволений «невідомим» українцем за те, що той заговорив про «незалежне сусідське співжиття» з козаками, про «взаємне пошанування», про «епоху Божої справедливости», а головним чином за те, що (як робе висновок п. Л.) «невідомий» українець уважає фактом — існування «козачої нації». Останнє «відомий» пояснює «хиба лише запамороченням голови нашого земляка від читання вищеназваного журналу» («ВК»).

«Відомий» українець незадоволений... Оче-

видно, він більше був би задоволений, коли б «невідомий українець» заговорив про «залежне суцільське співжиття», про «взаємне непошанування», про «епоху Божої несправедливості» і взагалі послав Козаків «під три чорти»... Але: що виграли б від того українці? Що виграли б українці, коли б козаки програли? І — чого їм («відомим») так хочеться цього?

«Запаморочення голови»... — Дякуємо за комплімент. Він, хоч і не ширий, але до деякої міри правдивий. Бо: чому ж тому «невідомому українцеві» не запаморочив голови своїми думками сам «Вістник»?

Дивно нам все ж таки: чому про приязнь до Козацтва з боку українського можуть говорити лише «невідомі» з «запамороченими головами».

Чого хочуть, власне, «відомі»? Чи то не їхні, дійсно запаморочені, голови проповідують серед українців антикозацькі настрої? І чи не тому лише українці так довго і сидять в еміграції, що у деякого з «відомих» голови запаморочені чимсь таким, чим вони не мусили б бути запаморочені і — не запаморочені тим, чим мусили б бути запаморочені?..

— «» —

Питання козачої нації для нас, козаків, не є питанням дискусійним, бо це не є для нас теорія. Козаки є на світі і хочуть бути нацією, не хочуть распорошитися в ніякій іншій нації. Це — факт.

А як про це і про нас говорять «теоретики», хоч би вони були й українці, нас це може і не цікавити.

Бо дійсно-ж, як що ми, козаки, свого досягнемо, байдуже ї будуть нам всі теорії. Гірше буде «теоретикам».

Як щож ми свого зараз не досягнемо, то теж не тому, що теорії «відомих» були проти нас. Але ми певні, що колись українські практики — ті, що не в редакційних кабінетах, а в полі будуть вирішувати питання: бути чи не бути українській державі? — ті колись не подякують теперішнім українським «теоретикам»...

Козацька нація для п. Лугового є витвір емігрантський.

А хіба росіяне ще й досі не кажуть, що українська нація повстала з емігрантських творів Драгоманова, Грушевського і... Донцова?

— На землі все живе родиться, живе і вмирає. Родяться нації, повстають держави, — живуть вони і вмирають... І не питають вони ніколи ніяких теоретиків, чи можна їм це робити, чи ні.

Коли б ми стали на той самий шлях, що й український «Вістник», і почали відноситися до українців так, як відносяться до нас, козаків, пани Лугові та Донцові, ми могли би наговорити українцям далеко більше гіркого, ніж вони нам. Чому, наприклад, українці не створили ще й досі своєї держави, хоч і рахують себе старою нацією?

Ми молодші. Але й це не біда. Переживемо тих, хто зараз старший за нас...

Для п. Лугового козацька нація повстала «десь коло 1927-28 року» та й то «як політична вигадка тих, кому се було потрібне».

Що до «вигадки», то п. Луговий взяв цей «аргумент» свій у тих росіян, які про українську

націю ще досі кажуть, що вона теж єсть вигадка тих, кому се потрібно зараз...

Що ж до року 1927 чи іншого якого, то ми в свою чергу могли б запитати «вістника»: а коли повстала українська нація? Коли повстав той український націоналізм, який пропагує п. Донцов у своєму «Вістникові»?

Але краще нагадаймо тут про інший подібний факт.

В роках 1930-32, в Празі, виходив невеликий журнал «Кубанський Край». Писався (переважно) й видавався він панами К. Безкровним та П. Сулятицьким (в українській мові) і був призначений, очевидно, для того, щоб доказувати кубанцям, що вони є українці, що козаки — це «перезиток» прошлого... Вів «війну» той журнал тоді і з «ВК». Але серед козаків того «Кубанського Краю» майже не можливо було знайти, бо чомусь він ішов лише до українських фук, хоч логічно мусило б бути навпаки...

Так от: те, що написав п. Луговий у «Вістнику», писав дев'ять років тому раніше п. Кузьма Безкровний (див. «Куб. Край», VI, 25 листопада 1930, стор. 66) і писав так:

... «Не одна була спроба запаморочити козацькі голови, щоб загальмувати пробудження національної свідомості у них.. Згадаймо про одну таку спробу в недавньому минулому. Наші ж таки покручі (? Ред.) р. 1918 прозвістили, що козаки-кубанці належать до «козацької» нації.. Але «козацький сепаратизм», як відомо, скрашував (в деякій мірі і з вини таких діячів, як К. Безкровний. Ред.). «Козацькій нації», що року 1918 складалася із декількох диваків, не повелося і р. 1920 вона вся «поголовно» емігрувала закордон»...

Різниця між Безкровним і Луговим, як бачимо, не велика. Але все ж таки, в порівнянні з Луговим, Безкровний прибавив віку козацькій нації цілих десять років. Тому ж, що він «любив» її так само, як і п. Луговий, той вивів її всю закордон, надіючись, що тим самим «унеможежить» її «роздавну» працю в своєму краю.. Ми-ж гадаємо, що п. Безкровний помилився, як помилились всі ті, хто бажав смерти Козацтву.

Одне ще доважимо: як що п. Луговий списав у п. Безкровного, то треба було подати джерело: Так роблять всі порядні автори, які не крадуть чужих думок та не видають їх за свої...

— «» —

«Населення тих областей (Козацьких, Ред.) за царату штучно поділили (хто? Ред.) на дві головні групи: козаків та так зв. городників (по московські — інородніх)»...

Правду сказати, такої політичної легковажності ми ще не зустрічали. Таке твердження може бути клясицистичним прикладом політичної безграмотності. Навіть москалі не відважувались ще твердити щось подібне. Українці з «Вістника», очевидно, просто не хочуть серйозно (а може вони самі як раз уважають, що це по їхньому і є серйозно!) підходити до вирішення козацько-української проблеми... Але мусимо їм, тим українцям, одверто сказати, що таких «авторів», як їхній Луговий, козаки лише висміють та назвуть дурнями...

Пишемо ми це все, звичайно, не за тих дурнів, а за тих, для кого вони пишуть...

Ні, панове, ніхто не ділив і не міг нас ділити штучно на козаків та городовиків. Коли ж ви так твердите, то це лише свідчить, що ви не знаєте ні історії, ні сучасности. Між іншим: **козаки значно старші, ніж самі московські царі...**

Але, коли вже говорити про який штучний поділ населення, то ми можемо пригадати про те, що було в дійсності: колись московські царі дійсно поділили своїх «верноподданных» на великороссов та малороссов... Лише не відважились змінити імя козаків, бо вони, царі, знали добре, що з того доброго нічого для них не вийде...

— «» —

... «Козаки мали ще й інші привілеї: не платили безпосередніх податків, мали власну самоуправу тощо».. — пише п. Луговий.

Ми не знаємо, хто і що є той п. Луговий, але бачимо, що історії народів б. Росії та того, що уявляла собою вона, Росія, перед революцією, він, Луговий, не знає. Бо коли б знав, то знав би, що козаки належали як раз до тих небогатіх народів, які зуміли зберегти трохи своїх старих прав, зуміли зберегти хоч трохи своєї автономії... А права, автономія, — це щось іншого, ніж «привілеї»...

Коли б хто з українців зацікавився цим питанням ближче, хай прочитає про це в числах 116, 117 та 118 «ВК» за 1932 рік.

— «» —

«Городовики... не користалися правом участі в місцевій самоуправі, платили податки і взагалі були нижчою суспільною верствою в станиці. Землю вони могли орендувати у козаків чи обробляти з мірки, або купувати в панів (з бувшої старшини). Політично городовики по станицях були **бесправні**».. — пише п. Луговий.

— А чому, питаємо ми в свою чергу п. Л., кожний, хто прийшов у чужу хату, зараз же мусив би користатись правами, тим більш — політичними? А що б сказали українці, коли б козаки прийшли в їхній край і зараз же захотіли б користатись з усіх прав?

Ми зараз от бачимо в Європі, що тут не тільки еміграція не користується ніякими правами та є нижчою суспільною верствою, але й ті, хто натуралізовався, — і ті не мають зразу всіх прав — іноді десятки років... А це ж — «просвещенная Европа»!..

Правда, що городовики могли купувати панську землю (в дійсності — козацую!). Для «поощрення» цього процесу царський уряд навіть банк спеціальний заложив («Крестьянский поземельный банк»). А чи знає п. Луговий, що козаки не могли купувати панської землі і не мали права користатись кредитом того банку (російська колонізаційна політика!)?

Очевидно, п. Луговий хотів би, щоб городовики на Козачих Землях не тільки не платили податків та брали участь в місцевій самоуправі, але були ще й вищою суспільною верствою в станиці!..

Може б воно так і було, але російські царі

на те не ризикнули, бо боялись козачого повстання.

Можливо, звичайно, що деякі українці, як от п. Луговий, деяких річей і не розуміють, бо українці в Росії втратили свої права (привілеї?) значно раніше, втратили все, тоді як козаки втратили свої пізніше і не всі, дещо й зберегли... (В часи Мазепи Україна втратила все, себто кінчила втрачати, а козаки в той час лише починали втрачати).

— «» —

Українці з «Вістника» не перші кидають закиди козакам, що городовики у козаків не мали прав. Найбільш закидів з приводу цього народив їм чоловік, що ненавидів їх, ненавидів всім серцем своїм і всією душею своєю, — п. П. Сулятицький, але й він мусив узнати, що городовики були там чужинці.

Ось що він пише в своїй книжці «Нариси з історії революції на Кубані» (див. стор. 86): «Звичайно, ні про яке формально законне право городовиків на козацьку землю не може бути й мови. Можна говорити про природне, неписане право на землю кожного хлібороба, але здійснення й цього права обумовлюється приналежністю до певного державного організму і обмежується територією останнього. Ні в якій державі чужинець не може вимагати всього того — а в тому числі й землі — на що мають право її громадяне»...

— «» —

... «Таке відношення козаків пхнуло городовиків в обійми більшовиків»... — твердить п. Луговий.

Пан Л. твердить там же, що ті городовики — українці і що їх там — більшість. То: чому ж те відношення козаків до городовиків пхнуло їх до Леніна, а не пхнуло їх до України? Ні одного!..

Правду каже п. Луговий, що одночасно з московською навалою, козакам прийшлося багато боротись і з «своїми» городовиками. Але ми думали тоді, що то були переважаючі москалі, що так широко йшли за т. Ленінін. Тепер українці доводять, що то були українці. Себто: під час нашої боротьби ті українці були союзниками московських більшовиків... За що ж ми маємо любити їх?

Мусимо правду сказати: про українців серед наших городовиків ми там, дома, не чули нічого (краще говорити: про яку будь українську свідомість серед них). Ні один не пішов до України. Всі пішли до Леніна...

Так було тоді.

Хто скаже нам, куди і с ким підуть вони завтра? — з націоналістами Донцова, чи знову з руським мужиком?

— «» —

Пан Луговий твердить, що городовиків-українців на Козачих Землях було більше, чим козаків:

«Перед революцією городовики-українці кругло склали на Дону 56-57%, на Кубані 52%, в Терщині понад 70%. Таким чином саме городовицьке українське населення перед революцією

уже творило більшість по козачих областях... За революції український елемент на Дону й на Тереку ще збільшився... На Кубані загально-український елемент перед революцією складав 75-86%... Очевидно, що на Кубані після більшовицької окупації потерпіла значно більше козача верства»...

— Як бачимо, автор один раз говорив про 52% українців на Кубані, а на другій сторінці вже 75-86%... С таким же успіхом він міг би написати і про 32% і про 96%... — Не можемо серйозно полемизувати з несерйозними авторами.

Але коли хто хоче знати правду, хай прочитає про неї в числах 19-23 нашого журналу. Там він побаче, що українців на Козацьких Землях було найбільше 27-28%.

Маємо також підстави говорити, що за часи окупації українська «більшість» не збільшилась. Коли, наприклад, в 1933 році окупанти висілили чотири кубанських станиці, вони переселили туди не українців, а 40 тисяч руських та білоруських красноармейців...

Так, тяжко Козацтву нести тяжкий тягар теперішньої московської окупації, але воно живе. Не благоденствує на козачій землі і руський мужик переселенець. Не набуде добробуту собі там і український хлібороб, якщо він захоче використати московську «протекцію» і збудувати той добробут і щастя своє на костях і крові козачій...

— «» —

... «Коли вибухла в Росії перша революція 1905 р., то в р. 1906 в Катеринодарі скликали не московську «Думу», ні донський «Круг», лише українську «Раду»... — пише далі п. Луговий.

Мусимо зазначити шановному авторові, що Рада та була не українська, а Козача! Та й взагалі — не козаки позичили у українців «Раду», а українці позичили її у козаків (говоримо це в історичному аспекті).

Тепер — що до фактичного стану скликання Кубанської Козачої Ради 1906 року. Скликана вона була тодішнім наказним отаманом Кубанського Війська за дозволом царя для вирішення одного лише питання — земельного (перерозподіл землі між різними частинами Війська). Ні її скликання, ні її програм праці не були ні в якому звязку з тодішніми революційними подіями в Росії*).

— «» —

«В р. 1917 нащадки прадідів великих витримали неабияку боротьбу з московським елемен-

том, щоб назвати свої установчі збори «Краєвою Радою», парламент — «Законодавчою Радою», а республіку — Кубанський Край», а не «Войсько», як на Дону»...

Перш за все, ніякої боротьби з московським елементом на Радах не було тому, що не було у нас на Радах взагалі московського елемента. Але й між козаками — Чорноморцями та Лінейцями — не було боротьби ні що до «Ради» чи «Круга», ні що до «Краєвої» чи «Військової», ні що до «Краю» чи «Війська».

Перша Рада на Кубані збиралась в квітні 1917 р., зараз же після першого Областного з'їзду, який склався з козаків та городників (на який вони, городовики, які по твердженню п. Лугового суть майже всі українці, не послали ні одного українця!). Ця перша Рада була просто Радою.

Друга Рада, яку скликало Кубанське Військове Правительство, була названа ним Військовою Радою. Ця Військова Рада ухвалила конституцію, згідно якій Кубанське Військо «росширилось» на весь Кубанський Край. В згоді з цим була запроваджена і відповідна нова термінологія.

Правда, між частиною Лінейців ширилась думка, щоб Раду назвати Кругом — на зразок Кругу Донського, але це було цілком зрозуміле, бо більшість Лінейців походить з Дону. Але й вони погодились скоро з Радою. В усякому разі, ніякої «неабиякої» боротьби не було...

Що до «Законодавчої Ради», то (уже серед частини Чорноморських козаків) була думка назвати її «Генеральною Радою», але було це в осени 1917 року і козаки ті побоялись, що населення буде плутати «Генеральну Раду» з «Генеральною Радою»... Так і зійшло з цього проекту.

— «» —

Про «ухвалу» Ради «федеруватися з Україною» поговоримо трохи нижче.

— «» —

Пан Луговий радіє, що «п. Г. Білому не пощастило притягти до отвртої співпраці ні одного поважного старшого політичного діяча-кубанця».

Це питання заслуговувало б спеціальної уваги і може ми її коли й зробимо. А поки що хай українці поставлять собі питання: а чому ж не пощастило редакторові «В.» п. Донцову притягти до своєї співпраці старших поважних політичних діячів українців, а сам п. Луговий хай прочитав все те, що писав про них п. Донцов в своєму «Вістникові»...

А поки що ми свою відповідь Луговим і всім його українським однодумцям продовжемо устатити одного з таких кубанських поважних старших політичних діячів, яких п. Білому не пощастило притягти до отвртої співпраці. Маємо на увазі тут Луку Лаврентьовича Бича.

А саме:

Як ми вже й згадували вище, в році 1925-26 Українським інститутом громадознавства в Празі була видана книжка П. Сулятицького: «Нариси з історії революції на Кубані» (III-1917-VI-1918, т. I).

*) Між иншим: головував на Кубанській Раді в 1906 році відомий земський статистик, а потім професор Ф. А. Щербина — один з тих поважних старших політичних діячів-кубанців, яких Білому не пощастило притягти до отвртої співпраці. Попавши закордон, Ф. А. Щербина, «з'орієнтувавшись» в великих подіях сучасності, проголосив, що «Ближайшее будущее России — это федеративный строй на демократических началах, диктуемых историей» (дивись його книжку: «Законы эволюции и русский большевизм», Белград, 1921, стор. 260), і — пішов професорувати в Український вільний університет в Празі, а пізніше шей і в Українську Господарську академію в Петебранах та зробив там досить добру кар'єру.

Пан П. Сулятицький — **однодумець, а може й учитель** п. Лугового. І **нариси свої він написав в тому-ж самому тону й дусі, що й п. Л. своєю статтю в «В.»**.

На «**працю**» Сулятицького **відповів Л. Л. Бич** — один з тих поважних старших політичних діячів-кубанців, якого п. Білому як раз не пощастило притягти до отвертої співпраці. Цю відповідь він, Бич, назвав: **«Кубань у кривому дзеркалі»** (дивись: **«Кубань»** — збірник статтів про Кубань і кубанців. Прага. Видання Громади Кубанців в Чехословацькій республіці, 1927).

Цю працю Л. Л. Бича ми й **використаємо для продовження своєї відповіді панам Луговим.** (Хто хоче, хай прочита відповідь Бича всю в оригіналі — не пошкодить).

«»

Отже, цігуємо:

... «Прочитали ми уважно цю багато обіцяючу працю **новоявленого «історика»** і, правду сказати, диву далися: до чого тут багато спільного, однакового в замислі, в ідеї, у відношенні до країни й її людей, в намірах автора з тим, що писали про Кубань і кубанців російські автори.

«А проте, між російськими авторами і п. Сулятицьким є й різниця: бачте, п. Сулятицький видає себе за **свідомого українця** і тому у нього в багатьох випадках виходить **«навпаки»**: коли російяне саганіють із-за **самостійництва** кубанців, то він таврує їх **«навпаки»** за несамостійництво; коли російяне голосять про зраду кубанців **«єдиній невідимій»**, то він громить їх **«навпаки»** за те, що вони **єдино-неділимці**, коли вони ладні були би зжертви де-кого з кубанців за українство, то він **«навпаки»** ладний би був це зробити за те, що вони не українці, і т. д...

«Автор майструє свої **«історичні»** нариси в такий **легковажний і неправдивий спосіб**, що і події, і наряд, і діячі відображаються в його **«нарисах»** — як у поганому, невірному дзеркалі...

«Отже тому **почуваюся до обов'язку** подати свій **голос з приводу книжки п. Сулятицького...**

«»

«Описуючи **«колективного»** козака **нудно-цукровими барвами**, автор в той же час **побивається над бідолашним життям «колективного» кубанського городовика**, якого нікому було **врятувати в біді, якому нікому було допомогти**, бо **«городовик, каже автор, чужинець, хочби він з діда-прадіда жив у станиці»**. Знову таки й **городовики** **винесені автором** за одну дужку, хоч і вони в дійсності **склалася з де-кількох шарів, інтереси яких були іноді діаметрально протилежними, собі ворожими**.

«Треба сказати, що **поміж кубанськими козаками не було такої значної диференціації на економічному ґрунті, класового розверствання, як поміж кубанськими іногородніми**. Козаки майже всі жили з землі, з хліборобства; майже всі вони були **самостійними господарями з більшим чи меншим господарством**; лише окремі одиниці по станицях **наймали багато землі й були багачами**. Але **найбагатішими людьми на Кубані бу-**

ли не козаки, а **іногородні**: між ними були великі **землевласники**, вони мали великі **отари овець, табуни коней**, вони **провадили торгівлю, шинкарювали, крамарювали**, були великими **табаководами**, мали в своїх руках **банки, заводи, нафтові промисли й ин.** В початку ХХ ст. майже всі **кубанські річки** були **вкриті великими не-козачими маєтками**; раніш це були **участки козачих офіцерів**. Лікарі, судді, різні **урядовці, попи, вчителі, адвокати й т. п.** — все це були **головним чином ті, що недавно ще прийшли на Кубань** і що **нічого іншого, крім некваліфікованої робочої сили, немогли винести на ринок**. За останні роки перед **світовою війною** та особливо підчас **війни** почала **збільшуватися й серед козаків група наймитів**.

«Як **серед козаків була частина, що захопилася гаслами большевизму...** так, **навпаки, серед іногородніх певна частина йшла за козачим програмом і поруч з козаками боролася проти радянської влади**. Це **передовсім були старожили «городовики», що вже накріпко осілися по станицях, корінням, так би мовити, вросли в кубанську землю**. Це, **далі, були «городовики» — свідомі українці**. Але **й тих і других було замало, особливо — свідомих українців**, мабуть **пальців на руках** **стачило б, щоби їх поіменно перерахувати**.

«В **полемічному запалі, що зовсім не личить «історичній» праці, наш автор досить часто вживає виразу: «городовик з діда-прадіда живе в станиці»**. Числючи кожне покоління в 30 років і беручи 4 рази по 30 (син, батько, дід, прадід), виходило би, за нашим **«істориком»**, що **городовики живуть на Кубані вже не менш, як 120 років, себ-то прийшли туди трохи не разом з Чепігою й Антоном Головатим**. Правда, й за **Антоня Головатого й після нього приходили на землі Чорноморського Війська втікачі-кріпаки й вільні козаки Полтавські й Чернігівські**, але вони, **оселившись в станицях, або зразу ж, або через де-який час приписувалися у козаки (натуралізувалися! Ред.)**. Лише той, хто сам не хотів **бути козаком через довгу, тяжку і небезпечну службу, залишався іногороднім**. Але **у таких тоді було дуже не багато і це здебільшого були великоросси**.

«До 1880-х років **іногороднього питання, властиво кажучи, на Кубані не було**. Це **буде видно з даних, уміщених в «Куб. Ведомостях» за 1866 рік № 18.** (Стаття Шинкаренка: «Из отчета статистического отделения»). **Населення Кубанської області за 1865 р. рівнялося 556.619 душам обох полів, в тім числі козачого населення було 430.040 д., горців — 73.871 д., мішан, що становили головне населення Єйска й Темрюка... 29.090 д. Селян числилося... 11.343 д. обох полів, в більшій частині майстрів-теслярів, столярів, бондарів, пічників, каменярів і ин.** (Навряд, щоб серед них були українці. Ред.)...

П. Сулятицький просто не знає, що **приплив іногородніх на Кубань — це явище зовсім недавнє**. Почалося воно, властиво, після розкрячення селян 1861 р. та після закінчення війни з черкесами, а розрослося з 1880-их років, після прокладення першої на Кубані залізниці (Ростово-Владикавказької дороги). **Особливо ж знач-**

не збільшення іміграції дали 1890-1900 роки...

... «Закубанські станиці почали швидко зростати та притягати до себе «городовиків» лише на самім кінці XIX ст. і в початку XX ст.

«Звідки у нашого автора з'явилися «онуки й правнуки», це вже його секрет. Це він просто вигидав, щоб жалібіше було...

«А про те, цей саме момент — недавність переселення на Кубань значної більшості «городовиків» і треба було б авторові мати на оці, бо цей факт може де-що б і роз'яснив, якщо не авторові, то принаймні вдумливого читачеві його книжки, — хоч би, скажім, цілком природне побоювання козаків передати налагоджене й досить велике громадське (станичне) господарство — церкви, школи, парові млини, громадські будинки, громадські землі, ліси, цегельні заводи, добрих поштових коней, жеребців, бугаїв і ин. (але — по якому праву? Ред.) — на розпорядження людей перехожих (які добра того не предбавали, Ред.), зовсім в місцевім господарстві незаінтересованих та просто не знаючих, як слід господарити, — як це й показав досвід господарювання в станицях іногородніх протягом 1921-1925 рр. (і дальших. Ред.).

— «» —

«Досить небрежно оперує наш автор також з числами про населення та про козаці земельні пайки...

«Загал населення (Кубані) поділяється, каже автор (стор. 32) на козаків (року 1914 їх було 1.339.430 д.), «горців» (136.574 д.) та «іногородніх» (1.646.900 д.). А далі (на стор. 35) додає: «безправність та неорганізованість «некорінних» — половини населення Кубані — утворили ґрунт, на якому підчас великої революції повстав конфлікт між козаками та іногородніми».

«Отже, до «корінних» і «організованих» наш автор зачислив тільки козаків і горців, разом — 1.476.000 д. себ-то 47,3% від цілого населення Кубанщини. Але чомусь з числа корінних він викинув городян, які були організовані в мійські самоуправи й користувалися з усіх громадянських і політичних прав, а городян, за нашим же автором, було 262.400 д. Викинув він також і «корінних» іногородніх, які, по автору, «утворили сільські громади» й теж користувалися з усіх прав... Їх теж буде біля 250.000 душ.

«Отже, склавши ці числа «корінних» громадян: козаків, горців, міщанства і «корінних іногородніх», будемо мати 1.998.000, себ-то — 64%. Ці 64% населення як до революції, так і після революції, користалися з однаковисільських громадянських і політичних прав...

... «Автори росіяне (Городецький, Ладоха, Гольдентул і ин.) не люблять цього поділу; їм зручніше ділити населення Кубані на козаків і не-козаків, останніх потім називати «іногородніми», зачисляючи до числа «іногородніх» (себ-то сторонніх) не тільки кубанських селян і міщан, але й горців. Отже, тоді вони можуть вчислювати великий відсоток «іногородніх» та оперувати ним для своїх цілей. В цей махлярський спосіб згадуваний вже раніше Г. Ладоха (большовицький автор. Ред.) налічив «безправ-

них іногородніх» в 57%, а И. Гольдентул (так само большевик) — аж цілих 64%. Те ж робить і п. Сулятицький, заводючи за одну думку козаків — 41% і не-козаків — 59%. Мета подібних маніпуляцій, як у п. Сулятицького, так і у наведених вище авторів, тотожня: показати, що **козака меншість гнітила «городовицьку» більшість і економічно, і політично...***

«Ці числа (числа п. Сулятицького) є просто вигадкою автора. Бо коли говорити про об'єднання та об'єднуючим центром визнавати Кубанську Раду — а іншого центру не було, — то там були представники 64% населення без всякого обмеження, а останнім 36% Рада визнала виборче право за одним обмеженням: від них вимагалось проживити на Кубані не менше двох років. Отже, Рада не хотіла дати права рішати долю Країни лише «перекотипольному» елементові й з цим погодилися самі іногородні (з'їзд іногородніх в грудні 1917 р.).

«З когож складалися останніх 36% іногородніх, бо вони були «іногородніми» не тільки відносно козаків, але й по відношенню до горців, до кубанського селянства й міщанства?.. — Окрема категорія іногородніх, що, по урядовій термінології, носила назву «іногородніх, маючих осілість», або — «осілих». Це були ті, що мали в станицях і хуторах садиби і садибні будинки; вони мали тако ж право виписати свою худобу на станичних вигонах... Цю групу іногородніх ми визначаємо приблизно в 600.000 душ (Б. Городецький визначив її в числі 763.500 душ). — Це були ті, що мали на Кубанщині більшменш стале перебування, мали самостійне господарство та в своїй більшості провадили господарство сільське. Але серед них значна частина займалася також торгівлею, промислами, рукометами, були урядовці, службовці, почасти й робітники...

«Нарешті, останньою групою іногородніх, по офіційній номенклатурі, були «іногородні, не маючі осілості». Це досить значна група, яку можна визначити в 500.000 душ. (Б. Городецький числить в цій групі 523.000 д.). По своєму маетковому й соціальному положенню вона була ще більш різнородною, аніж попередня. «Тут є ремісники, каже Г. Ладоха, торговці, сільсько-господарські робітники, хлібороби, що провадять господарство на орендованій землі. Серед іногородніх, що не мають осілості, зустрічаються люде заможні, власники великих торговельних і промислових підприємств. Одначе, таких не багато. Основна маса іногородніх, не маючих осілості, незаможні, напів-пролетарі». Ми додамо, що ця група включала в собі також досить численні кадри пришлої інтелігенції**») й пів-інтелігенції, що ще не встигла набути якої-будь неружомости, робітників (сільсько-господарських, промислових і в транспорті), чужоземців (підданців чужих держав) та нарешті людей, що перебували на Кубані з тих чи інших причин тимчасово, так би мовити переїздом, а таких «пере-

* При цьому, «свідомий» українець Сулятицький йде не з козаками, а з руськими невідимцями. Ред.

** До цієї категорії належав і сам п. Сулятицький. Ред.

коти-поле» на Кубані підчас війни та особливо революції була страшна сила з усіх кутків б. Росії...

«Отже, дійсними «іногородніми» до революції 1917 р., формально сторонніми Кубані, були оці дві групи населення в числі біля одного мільйона душ, коли виключити тільки 100.000 чужоземців і людей, що завітали на Кубань підготуватися на короткий час. Розуміється, для Кубані це була кількість колосальна, одна третина її населення, але все ж це не є більша половина, як твердить п. Сулятицький, а тим більш не дві третини, як думають радянські автори...

... «Розуміється, треба було розширити (і це Радою було зроблено) політичні права на найширші верстви осілого прийдешнього населення, а саме на ті його елементи, що захотіли б набути прав кубанського горожанства та виконувати всі обов'язки громадянина відносно країни, а в першу чергу — обов'язок боронити її проти червоних радянських армій і проти чорно-білих насильств. У більшості козаків воля до цього була; у більшості городиків її не було, бо Край не був їм рідним..

(Кінець буде).

ИВАН НАСТОЯЩЕВ.

ДОМОЙ...

(НЕ ФЕЛЬТОН).

Хотя и ничего не случается «вдруг», но на эмигрантские головы это самое «вдруг!» свалится безусловно.

Где-то и что-то навалится, где-то и что-то провалится, и вот им, эмигрантам, значит, на французском или каком другом языке, скажут:

— Месье, медам и ле-з-анфант! — глубокоуважаемые апатриды и любезные рефюжье-рюсс — в анфас и профиль — и вместе со своим Нансеновским сбором — выкатывайтесь поскорей на свое собственное «патри», потому что и без вас здесь весьма тошно...

Тут, значит, иные прямо с радостью упакуют наполовину распакованные чемоданы и в припрыжку на «гар» двинут.

Другие с недоумением и растерянно начнут ахать: Как? Что? Уже?... — Но все-же, хоть и не хотючи, тоже начнут собираться.

Третьи, не упаковывая ничего, угрюмо скажут: — Ну, это, мы еще посмотрим... Пусть другие пробивают дорожку в наше патри, да напишут нам оттуда: как и что, а там видно будет, поедем-ли...

В общем, начнут возвращаться во-своися. Вот тут самое интересное и начнется: кто, каким и на какое-такое патри поедет.

Меня больше всего интересует «рефюжье-рюсс» — казак, скажем, Агрызкин Никифор Самойлов, станицы Куцургузой, хутора Загвоздкина; неорганизованный и за двадцать лет эмигрантской жизни палец-о-палец не стукнувший для своего патри. Ужасть, каким был непредрешенцем.

Вот он, значит, поедет, а мы, так сказать, мысленно последуем за ним. Интересно, все-таки, на какую-такую патри он двинет и что из этого выйдет. Как он из эмигрантского сна и прямо без пересадки в самую гущу житейской действительности сунется.

Поехали... Скоро-ли, долго-ли наш Никифор ехал, но вот он вытряхнулся со своим сидором на последней станции и двинул на свой родной хутор Загвоздкин, за двадцать верст, на своих-двоих.

Сидор, значит, за спиной, иностранная шляпочка на безчубовой голове, синижачок, штанишки в полосу. Чудочек — от дороги слегка примятый и больше на витую тряпицу смахивает. Воротничек не первой свежести. На ногах полуботиночки и чулочки льонского шелка. Пальтецо перегибом на левой ручке и байдик в правой. Бесчубовую головку проседь здорово-таки испятнала, словно лебеда чахлую землю. Лет ему за пятьдесят да еще с добрым гаком.

Идет он в прыпрыжку, поспешает. От полынного воздуха и от южного солнышка — вот-как бодрит! А тут еще этот самый жаворонок с поднебесья зашпаривает...

Шел, шел, да и разметался. Ушел он в зарубежье, когда ему годков тридцать было... Давно-ли?... Будто — вчера... Время в зарубежье словно остановилось.

Родной Край представлялся таким-же, каким Никифор его оставил. Но все-же — ужасть, как давно! Мамаша вдовицей сирой осталась... Пооди, старуха древля теперь стала... А Дарья, супруга благоверная, как-то она теперь? Пооди, жданки все выждала, меня поджидаячи То-то радость, у нее теперь будет!... Тут прямо в дрожь забрало нашего возвращенца. Ух! Как он ее прижмет к своей груди...

От радостного чувства пустился было в бег. Потом, затынул: «Из набега удалого едут все Донцы домо-о-о-ой!»

Но, ничего из этого не вышло. Пошел тише и опять разметался. Как-то теперь сын Андрей!... Десятилетним оставил... Теперь, пооди, не хуже своего отца (в молодости!) стал... Чуб, фуранька, шароварики с лампасами, в высоких сапожках!... Все девки свои глазелки на него пучат... А може женился, може внуков буду нянчить? Да так оно и должно быть. Хозяйством-то он теперь правит. Ух, как заживем! Слава Богу, теперь я дома. Кончилось заграничное житье... Париж!... точно от роя мух Никифор отмахнулся. Много-ли человеку нужно? Теплая лежанка, добрый совет сыну, пышка со сметаной да цыгарка табаку... да еще моя старуня, Даша ненаглядная... А то... подумаешь... великороссы, младороссы, монархисты, сепаратисты, демократы, националисты, фашисты, коммунисты... и все прочее... — Аж зло его взяло, при воспоминании о заграничном житье со всеми его прищепками...

При таких мечтаньях Никифор Агрызкин отмахал двадцать верст и вот опускается с последнего бугра перед своим славным хутором Загвоздкиным.

Спустился с бугра в сады, прошел гать и вышел в пролет широкой улицы, единственной в хуторе.

Вдоль улицы вправо и влево стоят «дома». Крыш нет: соломенное крытие исчезло. Вместо крыш, на потолки навалено всякое барахлять, чтоб не протекало, значит. Не дома, а сакли кавказские. Плетней и заборов нет...

Вдоль улицы, посредине ее, стояли несколько возов, отдаленно напоминающих бывшие арбы. Изношенные хомуты, веревочные шлеи и барки валялись в общей куче. Здесь-же стояли два бывших советских чуда — тракторы. Помятые, ржавые.

Хутор — точно вымерший.

Остановился Никифор, окинул все это хозяйским взором и тут... словно колынуло его что-то в груди. Решил итти не сразу к своему куреню.

Подожел, за пять домов до своего, к дому Ласкутиных. Надо узнать, как и что? Исправные были Ласкутины, да и никто из них, слыхаты, не уходил в зарубежье. Ласкутины имели курень-куреном. Заборы — вместо плетней, высокие ворота... добротные были, зеленые краской окрашенные. Теперь — ни забора, ни ворот.

Стукнул в окно байдиком. Из-за одного стекла

рамы (другие заменяла грязная газетная бумага) выглянуло морщинистое, злое, патлатое лицо. Потом скрипнула на ржавых петлях дверь и перед Никифором предстала фурия. Это была старая баба во всяких разноцветных обляпанных тряпках, изображающих женскую одежду. Она недоброжелательно и подозрительно стала рассматривать Никифора и его заграничный костюм. Никифор с напускной веселостью бросил ей:

— Бонжур, мадам, то-ись, здорово днєвали! А что, могу-ли я видет кого-нибудь из Ласкутиных? Вы кто же им будете? Родня или что-нибудь другое?

Женское подобие ничего ему не ответило, а ринулось на словно сломанных ногах во внутрь двора! Потом из-за стены разрушенной бывшей пекарки вынырнул мужик, тоже в лохмотьях. На нюгах тряпье, обвязанное ржавой проволокой. (У Никифора в голове блеснуло заграничное, газетное: «веселая, зажиточная жизнь», «кровати с пишками», «граммофоны», а еще хуже — глубоко-глубоко внутри, скорее почувствовал, чем осознал, — и к чему я тут?... словно чужой...)

Лохматый мужик скорее прохрипел, чем сказал: — Коли, что нужно... иди-ка ты, гражданин, в сельский колхоз. Там тебе, коли что нужно, все скажут...

Никифор двинул по указанному направлению. Через улицу, напротив, стоял такой-же полуразрушенный курень. На нем какая-то вывеска. Приблизившись, увидел облупленное и еще не замененное: «Загвоздьянский колхоз имени товарища Янкелевича».

Толкнув дверь, Никифор вошел в грязное помещение с темными никогда не белившимися стенами. За большим столом, сбитым из старых не оструганных досок, сидел бородатый мужчина в красноармейском шлыке и рваной солдатской шинели. На столе гора всяких книг, газет и бумаг. Этот дядя, оставив на Никифора детективные глаза, словно огрызнулся:

— Ну, ты что? Откуда и зачем пришел? Пред'явь свои бумаги!

Никифор замаялся. Никаких бумаг у него не было. Была карт д'идантите, так ее во Франции при от'езде отобрали, а другой не запаса. Где? Да и к чему? Ведь на свой родной хутор ехал. Какие там бумаги? И все-таки Никифор почувствовал, что этот чужой и незнакомый ему дядя был прав. Бумаги нужны.

Никифор нерешительно, почти со слезами на глазах, сказал:

— Агрызкин я, мусье, то-ись господин... товарищ... Так вот я к себе домой из-зарубежья приехал. Тут у меня мамаша, жена... Дарьей зовут, сын двадцати трех лет... Андрей. Агрызкины — мы, а живем вот там...

Тут Никифор подошел к окну и показал дом, ничем не отличавшийся от других. Без крыши, без заборов...

Дядя в красноармейском шлыке, остатке советской военной роскоши, тоже глянул в окно и сказал:

— Ну, это ты брешешь, потому там живет колхозник Аким Непомнящев, переселенец из Рязанской губернии со своими шестью ртами-едоками.

— И вот тебе Христос, я — Агрызкин и это мой дом... Никакого колхозника Акима я не знаю.

— Ну, если ты, залетная птица, не знаешь, так я, колхозный бригадир, знаю. И что ты за птица такая? Давай твои документы, это мы все разберем, а коли нету, то я принужден тебя арестовать и отправить в Куцургуз по начальству. Може ты какой диверсант, али народный кровопийца. Без документов — кто вас разберет? Да и по костюму видно, что подозрительный...

Тон у дяди в шлыке был начальственный и не подлежащий возражению. Никифор понял, что дело было плохо, что лезаться некуда. Бумаг нет, значит, арестуют его и отправят — кто знает куда? На душе тяжесть пудовая, в горле пересохло, в висках стучит... Вот и прижал к своей груди дорогую Дашу!... Мамаша... сын Андрей...

Никифор не выдержал и заплакал. Сквозь слезы и сопля начал молить этого чужого, но на «своем» месте человека:

— Мусью... господин товарищ... но, ведь, жили-же здесь Агрызкины! Ведь, я сам отсюда... Ну, вот, я пришел... Ведь это-же не сон!... Я, вот, перед вами. Значит, и моя мать... и моя Даша и сын Андрей были...

только их нет, но были-же! Где они? Мне ничего не нужно... Я уйду, только скажите — где они?

Тут Никифор пал на колени и плачущим голосом молил:

— Скажите, товарищ-господин, где они, эти самые Агрызкины?... Мне ничего не нужно...

Товарищ-господин подумал, потом отыскал толстую книгу и начал по годам что-то высчитывать и часто повторять:

— Агрызкины... Агрызкины... а вот... 1922-й год... Евдокия Агрызкина... Кто она тебе?

— Моя мамаша...

— Ну, так вот: за неоднократное воровское собрание пшеничных колосьев была наказана сечением налыгачем потом... потом захвачена колхозным бригадиром товарищем Живодеровым опять за тем-же занятием и была пристрелена им на месте преступления...

— А...а...а... — завыл Никифор.

— В том-же году, малолетний Андрей Агрызкин, во время полевых работ вечером, когда бригадир укладывался спать, незаметно подкрался к уже легшему в постель Живодерову и шкворнем раздробил ему голову. Его мать, Дарья Агрызкина, и сам преступник Андрей Агрызкин были отправлены в Куцургуз... дальнейших сведений о них не имеется...

Агрызкин Никифор тихо опустился слегка на колени, а потом, как мешок, рухнул на пол. Трясся, как в лихорадке. Хрипел и раскрытым ртом ловил воздух. Изо-рта тянулась длинная вязкая слюна.

Нервное потрясение продолжалось около часа. Около него с участием во взоре стоял бригадир.

— Эх, дела! Я тоже казак и человек, а посему выкатывайся-ка ты от греха подальше да поскорей! Вижу, что страдаешь. Помни, что я ничего не видел и не слышал. Выкатывайся и забудь свой хутор Загвоздкин. Здесь проживают поселенцы из Рязанской губернии, а казаков нет, как нет. Это тебе не старое доброе время и не зарубежье; здесь была три-сере, а теперь не знаю, что будет. Распоряжений еще никаких до нас не дошло...

Агрызкин медленно поднялся и со злобой, поднятая руки со скрюченными пальцами к небу, крикнул:

— Ты... где Твоя правда?... а...а...а...

Бригадир остановил:

— Не кошунствуй... Сам виноват и вся казачья эмиграция. Что-же вы там — в зарубежьи — делали, что в рассыпку сюда жалуете и еще правды ищите? Налю было организоваться там... Эх, вы — казаки! Теперь под чужой ногой становитесь... ну, и смиритесь: «несть бо власть, аще не от Бога, сущие же власти от Бога ученыи суть»... Ха-ха-ха... Своей власти не привезли, становитесь под чужую ющероссийскую... ха-ха-ха... Казаки!... ха-ха-ха... А я надеялся на вас... ждал... и вот... сволочи!... Казаки!... Были казаки, да щучка их с'ела... ха-ха-ха...

Бригадир вдруг стал серьезным, смачно сплюнул на пол и вышел из куреня. За ним, словно пьяный, последовал Никифор Агрызкин.

Потом... потом Никифора видели в одном из больших городов, три дня околачивающимся около французского консульства. Все просил служащих допустить к консулу. Никифора не пускали. Наконец, не выдержав, ворвался он сам к консулу в кабинет, бросился ему в ноги и начал молить:

— Господин консул... месье... товарищ... ради Бога, верните меня во Францию, я... я на все готов... буду за кусок хлеба работать...

Тут он вскочил на ноги, вытащил из-за пазухи сверток, развернул его дрожащими руками и, комкая пачку французских билево, совал консулу.

— Вот... двадцать тысяч... скопил честным трудом во Франции... возьмите все, но только отправьте во Францию... возьмите...

Консул, ничего не понимая, позвал переводчика и стал спрашивать, что ему угодно. Никифор, не отвечая на вопросы, выкрикивал:

— Смилуйтесь... Несчастный я человек... Даша... где она?... а Андрей, мой сын, а мамаша... налыгачем истязали... пристрелили... Господи... и вы господин... мусье... спасите... спасите...

Слезы лились градом, слюна и сопля тянулись до пола.

Брезгливо смотрел на этого измученного человека консул. Что-то сказал служащим. Собрали они разбросанные по-полу кредитки, сунули Никифору в карманы, вывели его на улицу и плотно со стуком захлопнули консульскую дверь. Никифор понуро стоял перед консульством и бормотал:

— Отказали... выбросили... Все кончено... Куда-же теперь?... Домой!... Да, домой!... Домой приехал, домой!!!!

.....

ОТ АВТОРА: Настоящее повествование о злоключениях

Никифора Самойлова Апрызкина, вернувшегося в 1934 году в свои родные Края из-за границы, не является вымыслом (изменены только имя вернувшегося и название местности в Родных Краях, где происходило действие). Оно составлено на основании шести писем, присланных уехавшим своему родственнику в зарубежье и недавно пересланных мне с просьбой осветить в нашем журнале: «Что мы, казаки, можем найти дома и в каком положении окажемся по возвращении, если не представим из себя объединенный обще-казачий кулак с лозунгом: пригребай к своему берегу!» Письма эти читались мной с большим интересом и по строкам, и между строк.

И. Настоящев.

Б. Ольжинский.

В СТАНЕ РУССКИХ КАЗАКОВ

(ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОБРАЩЕНИЯ).

С недавнего времени в Париже распространяется обращение «К Зарубежному Казачеству от Временного Правления Союза Казачьих Войск» (помеченное 10-ым апреля 1939). Из текста обращения можно вычитать, что возглавляется это правление (а значит, и обращается к казакам) ген. **Алпатов**.

Делится это обращение на две части: часть информационную и часть декларативную. В части информационной делается оценка международной обстановки и русской эмиграции, зарубежного казачества (два Атамана, «политика» двух Атаманов), эмигрантских партий и казачества и «оборонцев» и «пораженцев»... В части декларативной: общие соображения, линия имперская и — линия казачья...

Суть обращения такова: часть бывших младоросов, возглавляемых ген. Алпатовым (другая часть возглавляется Чапчиковым), сделав обзор ситуации международной, русской эмиграции, своего собственного лагеря и лагеря «атаманского», силится вести пропаганду в пользу объединения русских казаков вокруг нового главы русской династии — юного великого князя...

Я думаю, что в порядке информации о том, что делается в лагере русских казаков, можно познакомить с ней и читателей журнала «ВК».

В самом деле, что же делается у наших казачьих противников? Как они себя чувствуют и что делают или — что думают делать?

Наперед скажу, что положение у них не такое блестящее, чтобы оно нуждалось в каких либо особых комментариях. Тон обращения довольно тихий и скромный.

И так, прежде всего, часть информационная:

«I. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.

На наших глазах совершается грандиозный мировой передел: рушатся политические системы, меняются социальные и экономические нормы, исчезают целые государства, возникают новые империи.

Мир бурлит, лихорадочно вооружается и шумно движется к загадочной судьбе: все к своим целям и удачам — то ясным и реальным, то смутным и несбыточным...

Однако, во всем этом какущемся мировом хаосе, при внимательном рассмотрении, можно довольно отчетливо различить грани новых водоразделов, новые поворотные рубежи эпохи.

По одну сторону — организуются силы духовного подема и национального утверждения.

По другую — мир материализма и интернационального пленения.

Короче — человечество представлено двумя началами: идеалистически-национальным и материалистически-интернациональным.

Эти два лагеря, совершенно исключаящие друг друга, вступили между собой в непримиримую борьбу. Сражение ведется в международном масштабе — то в Испании, то в Китае, то в Чехословакии.

Но нужно полагать, что «последний и решительный» разразится на Русской земле....

.....

Наблюдая и отлично сознавая все происходящее, **русское зарубежье все же не очень спешит с przygotowaniem «светильника» ко встрече своего «жениха».**

Под чужим небом, под чужим кровом, при свете чужих реклам и иллюминаций, она **довольно беззаботно митингует, ссорится, дробится....**

Тысячи всевозможных организаций, непризнанных вождей, спасительных программ, уклонов и диверсий. Есть свои безпризорные, вредители, предатели, пораженцы, оборонцы, есть даже свои «советские», — словом, многолика, многоголовая и разноязычная, а в общем, **дезорганизованная масса.*)**

Мира нет, единства нет, воли нет, лица нет. Нет национального представительства перед иностранными кругами.

Не лучше обстоит дело и на казачьем фронте, особенно Западно-Европейском и особенно в старейшем Войске Донском.

Наиболее однородная, спаянная и дисциплинированная во все времена среда казачья, в данный момент представляет печальную картину **распада и дезорганизации.**

Такова действительность **русского безпутья и казачьего бездоля** на чужбине. Вожаки множатся, ведомые редкуют. **Число Атаманов растет, казачья масса тает.**

II. ЗАРУБЕЖНОЕ КАЗАЧЕСТВО.

Имея целью довести настоящее обращение, главным образом, до сведения казаков, Временное Правление Союза Казачьих Войск считает необходимым остановиться более подробно на жизни Зарубежного Казачества.

а) Два Атамана.

В том споре, который разгорелся среди Донцов по вопросу — кого считать законным Донским Зарубежным Атаманом — Временное Правление Союза Казачьих Войск в свое время высказалось в пользу гр. Граббе, признавая за ним право на учреждение Центральной Избирательной Комиссии соответственно указу Большого Войскового Круга от 16 сентября 1918 года.

К этому необходимо добавить, что особые и исключительные условия эмигрантской жизни, вынуждают Казачество искать **источник законности в себе са-**

*) Подчеркнуто везде мною. Б. О.

мом, применительно к условиям жизни и не придерживаясь буквы закона, совершенно не применимо в условиях чужой государственности.

На этом основании зарубежные Донцы **вольны и правомочны переизбрать своего Атамана, или же его полномочия продлить.**

На основании духа и смысла Основных Законов и фактического положения вещей, Временное Правление С. К. В. считает полномочия бывших членов Круга утраченными, а все претензии их на представительство Донцов в настоящее время незаконными.

Поэтому Временное Правление С. К. В., относясь с полным уважением к заслуженному донскому генералу П. Х. Попову, юридически не может признать его Донским Зарубежным Атаманом.

Инициатива, пропаганда и проведение «выборов» были выполнены группой бывших членов Войскового Круга, самозванно действовавших от имени Президиума Круга.

В дополнение к сказанному Временное Правление С. К. В. считает необходимым формулировать свою принципиальную точку зрения по вопросу о возглавлении Донцов за рубежом: возглавителя Донцов за рубежом — Атамана, Временное Правление считает **Донским Зарубежным Атаманом, а не Донским Атаманом.**

Ссылка на юридические нормы в вопросе признания того или другого лица **законным** Донским Зарубежным Атаманом, однако, не дает все же основания Временному Правлению С. К. В. **не считаться с фактом двуатаманья.**

У зарубежных Донцов **два лица**, оспаривающих законность или Атаманство. Два генерала, претендующих на представительство Войска и даже всего Казачества перед эмиграцией и перед иностранцами.

Нелепость такого положения очевидна и ее никакой ссылкой на законность не исправить.

Так или иначе, а пока двуатаманье внесло великую смуту и раскол в жизнь зарубежных Донцов, усугубило распад Казачества, подорвало престиж старейшего Войска и авторитет Войскового Атамана.

Ответственность за это прискорбное явление, по мнению Временного Правления, лежит целиком на двух лицах: графе Граббе и генерале Попове.

Первый принял инициативу продления полномочий и не оставил ее даже тогда, когда вопрос осложнялся и грозил вылиться в скандал двуатаманья...

Второй (ген. Попов) принял и поддержал беззаконную затею самозванного «Президиума».

Двух Атаманов не было бы, если бы гр. Граббе отказался от инициативы продления и назначил выборы. Двух Атаманов также не было бы, если бы ген. Попов отверг инициативу «самозванцев».

В конечном счете, как бы мы ни рассуждали и ни обсуждали «законность» и «правомочность», наилучшим выходом из создавшегося положения было бы — **ликвидация двуатаманья.**

Ликвидировать это пагубное явление можно только **единственным путем — отказа обоих Атаманов от полномочий и назначения новых выборов....**

б) «Политика» двух Атаманов.

Уже одно то, что Донское Зарубежное Казачество представлено перед эмиграцией и иностранными кругами двумя лицами, ставит в ложное положение работу Атаманов, обесценивая их усилия и действия, не говоря уже о сущности самой работы.

Во вне оба Атамана ведут одинаковую политику...

Во всех своих выступлениях ген. Попов умалчивает о России. Гр. Граббе в своих заявлениях говорит о необходимости прежде всего восстановить «суверенный» Дон, а потом-де дойдет очередь и до России. Было бы лучше, чтобы оба генерала, всю жизнь служившие России, вели единственно ныне необходимую политику — имперскую.

Политика Атаманов, предназначенная для «внутреннего употребления» зарубежных Донцов, резко отличается одна от другой.

Генерал Попов, поддержанный на выборах двумя течениями, существующими среди казаков, а именно сепаратистами, стремящимися отделиться от России, и

казаками, верными имперской линии, — прилагает все усилия к тому, чтобы примирить эти два лагеря. Для этого ему приходится выработать такие формулы и делать такие заявления, которые могли бы **удовлетворить обе стороны.** Этим объясняется путаница и неясность во всех выступлениях ген. Попова.

Можно сказать наперед, что **объединить необъединимое генералу Попову, конечно, не удастся.** Раю или поздно ему придется все же выбирать один из двух путей — либо самостийный, либо имперский. О склонности ген. Попова к первому можно только пожелать.

«Внутренняя» политика гр. Граббе облеγχается тем, что все казаки, его поддерживающие стоят на имперском пути. Заявления же самого гр. Граббе в этом вопросе **неясны и двусмысленны...**

Слабым пунктом «внутренней» политики гр. Граббе является его склонность к **неосуществимым проектам и несбыточным обещаниям.**

Такая политика велась уже гр. Граббе в течение первых 3-х лет его Атаманства и привела, как мы знаем, к расколу и дезорганизации зарубежного Казачества. Ничего хорошего, конечно, не сулит она и для будущего.

Нас могут упрекнуть в том, что мы критикуем Атаманов. Нами могут быть недовольны и «поповцы» и «граббевцы».

Но что же делать? Можно ли молчать, когда **ответственные руководители решительно ничего не сделали** для ликвидации прискорбного и пагубного для **Донского Войска «двуатаманья».**

Можно ли оправдать политику ожесточенной борьбы двух лагерей, несущую Казачеству смуту и разложение?

Нас могут осудить за критику действий Донского Зарубежного Атамана, за которым мы признали право на законность полномочий.

Заявляем, что делаем мы это не с легким сердцем и не ради критики. Делаем мы это для того, чтобы исправить положение Донского Зарубежного Казачества и считаем, что замалчивание фактов, подрывающих престиж Атамана и Войска приносит величайший вред Казачеству.

в) Усилия В. Правления по созданию Союза Казачьих Войск и отношение к этому вопросу казачьих верхов.

Едва ли можно оспаривать ясное и вполне понятное для каждого казака утверждение, заключающееся в том, что только при наличии общеказачьего единства, Казачество сможет защитить себя в настоящем, отстоять свое будущее и сыграть значительную, а может быть, и решающую роль в судьбе России.

Исходя из этой основной мысли, Вр. Правление С. К. В. выполнило большую подготовительную работу по пропаганде идеи Союза Казачьих Войск, имея целью объединение всего зарубежного Казачества в одно целое.

Казачья масса с огромным интересом и сочувствием отнеслась к его начинанию.

Однако, многие казаки запрашивали: «как к этому вопросу относятся Войсковые Атаманы?». Временное Правление также было заинтересовано выяснением отношения Войсковых Атаманов к поднятому и ставшему актуальным вопросу...

Многочисленные казачьи организации и отдельные казаки в своих приговорах и письмах, всецело присоединяются к идее Союза Казачьих Войск и на местах организуют Отделы, Станицы и Хутора С. К. В.

Таков отклик на инициативу Вр. Правления.

Однако, дальше приветствий со стороны казачьих верхов дело не пошло. Работе Вр. Правления в Париже и образовавшихся Отделов и групп С. К. В. на местах, руководители Зарубежного Казачества не оказали никакой поддержки.

Озабоченное дальнейшим проведением идеи С. К. В. в жизнь и расширением дела в надлежащем масштабе, Вр. Правление вступило в деловой контакт с Казачьим Советом во Франции, составленным из представителей и заместителей Войсковых Атаманов.

В неоднократных совместных заседаниях Казачьего

Совета и Вр. Правления были выяснены все вопросы.

В целях установления правильной информации Войсковых Атаманов, живущих в других странах, и ускорения практического оформления идеи С. К. В., Вр. Правление предложило Казачьему Совету в полном составе принять на себя ответственное руководство организацией С. К. В. впредь до возглавления ее Войсковыми Атаманами.

Казачий Совет в устной и в письменной форме засвидетельствовал свое признание идеи С. К. В. жизненной и актуальной, одобрил произведенную и производимую Вр. Правлением работу, но **уклонился от принятия на себя официального и ответственного руководства организацией.**

Как предлог, Казачий Совет «рекомендовал» Вр. Правлению заменить наименование «Союз Казачьих Войск» другим, мотивируя это тем, что-де название не соответствует содержанию, а также и тем, что-де инициатива Вр. Правления «самочинна», а сама организация «неправомерна»...

Предложение Казачьего Совета «переименовать» — просто непонятно Вр. Правлению.

Оно находит это предложение необоснованным и противоречащим признанию самого же Совета.

Таким образом, потратив на переписку, переговоры и совещания около года времени, значительно затормозив внутреннюю работу, Вр. Правлению так и не удалось достигнуть положительных результатов в вопросе оформления идеи С. К. В. Войсковыми Атаманами и их представителями.

Повидимому, казаки верхи считают работу по созданию Казачьего Единства или еще несвоевременной, или просто для себя непосильной.

Вр. Правление полагало и теперь полагает целесообразным, в интересах общего дела, возглавление движения Войсковыми Атаманами и участие в работе их полномочных представителей.

К сожалению, инициатива действенных и творческих усилий к созданию Казачьего Единства, не только не исходит от возглавителей Казачества, но, наоборот, есть все основания полагать, что между Атаманами нет единодушия, и что, даже существовавший на бумаге «Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека», **распался.**

Не имея поддержки сверху, отвечая на многочисленные запросы со всех сторон, Вр. Правление вынуждено самостоятельно реагировать на злобу дня и продолжать свою работу, игнорируя всевозможные наветы и упреки по его адресу, которые являются ничем иным, как только продуктом индивидуальных и групповых амбиций, претензий и сведения личных счетов.

III. ЭМИГРАНТСКИЕ ПАРТИИ И КАЗАЧЕСТВО.

Русская эмиграция разбилась на множество партий, союзов и групп, оспаривающих друг у друга право на представительство и на политическое руководство русским зарубежьем.

Такое дробление эмиграции имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Тем не менее, отсутствие во всех этих партиях, союзах и группах чувства меры в своих спорах, отсутствие морального критерия в столкновениях, часто носящих персональный характер и, наконец, отсутствие сознания в необходимости координировать и объединять свои усилия в стремлении, по существу, к одной и той же цели — превращает весь этот, несомненно, наиболее энергичный и культурный отбор эмиграции в безликую массу, снижая ее значение и удельный вес в борьбе.

Многие казаки разошлись по партиям. Это произошло от того, что казаки верхи за наше многолетнее пребывание за рубежом не позаботились ни о политическом, ни о духовном, ни о культурном руководстве казачьих масс. Казаки, оставшиеся в этом отношении безпризорными, пошли искать ответа на больные и жгучие вопросы к «вождям» и «главам».

Такое явление можно понять, но согласиться с ним и приветствовать его нельзя и вот почему.

1. Казаки в партиях теряют присущую ими инициативу.

2. Утрачивают самостоятельность в работе.

3. Не выражают целостности казачьего мировоззрения.

4. В партиях имперское начало стоит на первом месте, а казачий вопрос существует или только теоретически, или совсем отсутствует. (Чего же деть туда? Б. О.).

5. Партия (в масштабе государственной жизни) явится средоточием между Верховной Российской властью и Казачеством.

6. И, наконец, вместо собрания воедино — казаки дробятся. Тем самым утрачивается подлинное лицо, значение и роль Казачества в исторической жизни Русской паццы.

В силу всего изложенного, Вр. Правление С. К. В. рекомендует казакам воздерживаться от вхождения в партии, а вступившим — выходить из них и приложить все усилия к созданию своего казачьего целостного организма, в котором имели бы место и идейное содержание и свобода политической мысли, не нарушая вековых идеалов и традиций, которые являются основной базой векового казачьего Единства»...

— Конец информационной части звучит по вахмистерски:

«Российское Казачество всегда поражало врагов внутренних, всегда обороняло Отечество от врагов внешних, считая эту миссию своей высокой честью и священным долгом»...

— Часть декларативная гораздо короче части информационной.

Здесь прежде всего:

«I. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ.

Обращаясь к нашим внутренним, эмигрантским порокам и недугам, Вр. Правление С. К. В. считает, что всем русским, чувствующим всю горечь изгнания, болеющим за свою поработенную страну и понимающим глубину национального падения, неотложно нужны — мир, организация, единство.

Поэтому, принимая во внимание:

а) Грозную международную обстановку, поставившую на повестку дня русский вопрос,

б) Разнь и распад русской национальной эмиграции перед лицом происходящих событий,

в) Раскол и смуту в зарубежном Казачестве; учитывая:

а) Близкое решение отечественной судьбы,

б) Роль и значение русской эмиграции и зарубежного Казачества в настоящий ответственный момент,

в) Отсутствие должного и единого представительства русских национальных сил,

г) Отсутствие у зарубежного Казачества единого руководства и представительства;

имея намерение:

а) Способствовать прекращению вредной и бессмысленной игры в беженские «вожди», «главы», «лидеры» и «командиры» с ожесточенной борьбой мелочных и пустых честолюбий и самолюбий, отвлекающих силы, время и средства от подлинного врага.

б) Содействовать объединению всех национальных, жертвенных и действенных сил зарубежья, нужных для борьбы за освобождение и восстановление нашего поверженного Отечества, т. е. имея своей целью выполнение исторической миссии Казачества — Временное Правление С. К. В. считает своевременным и необходимым высказать нижеследующее:

II. ЛИНИЯ ИМПЕРСКАЯ.

а) Единственно полезной и необходимой работой в настоящих условиях для всех зарубежных русских является — **объединение усилий к созданию русского национального единства**, вместо взаимной грызни и разделения,

б) Единственно возможным и верным путем создания этого единства Вр. Правление С. К. В. считает путь собрания всех здоровых национальных организаций и отдельных лиц **вокруг главы российской императорской династии великого князя Владимира Кирилловича...**

III. ЛИНИЯ КАЗАЧЬЯ.

а) Зарубежному Казачеству в лице своего возглавления необходимо также **стать на путь объединения вокруг главы российской императорской династии.**

б) Отказаться и решительно осудить сепаратистские стремления, подрывающие историческую сущность Казачества и угрожающие его единству и бытию,

в) Создать казачье единство на базе собирания всех казачьих сил в **Союз Казачьих Войск**, идее здоровой и единственно приемлемой для всего Казачества.

Это необходимо сделать:

Во-первых, чтобы покончить с распылением и дроблением казачьих сил;

во-вторых, чтобы объединиться и сплотиться вокруг Войсковых Атаманов, долженствующих стать во главе Союза;

в третьих, чтобы иметь единое казачье представительство, как на фронте русского национального единства, так и перед иностранными кругами в лице Совета Союза Казачьих Войск (Совет Войсковых Атаманов);

в четвертых, чтобы при решении отечественной судьбы иметь надлежащий вес и значение;

в пятых, чтобы охранить и обеспечить на будущее свою самобытность — вековые идеалы и традиции Казачества»....

Такова суть обращения ген. Алпатова.

Пропуски в нем не большие, пропущено не существенное....

Читатели «ВК» хорошо разберутся в «соли» обращения и без особой подсказки.

Общее впечатление от обращения — **пессимизм.**

По общей оценке обращения, ни русские, ни казаки (русские казаки) не готовы к решению никаких задач, не говоря уже о задачах больших. Зачем же ставить перед ними большие задачи? — чтобышний раз доказать их бессилие?

Вообще логики в обращении мало.

Иногда даже из правильной оценки ситуации выводы делаются неправильные. Вместо того, чтобы ударить по столу и крикнуть: **так будем же казаками!** горе-вожди бормочут все то же: **попробуем все же и дальше быть казачками...**

Плохо? — Плохо!

Что делать? — Топтаться на том же месте!

И топчутся.

Топчутся потому, что не имеют казачьей программы, не имеют казачьей цели. И не могут там иметь ее.

Не хотят понять, что, чтобы казакам сдвинуться с места, надо сначала выйти на казачью дорогу....

Считают себя русскими.

Если они (Алпатовцы) русские, зачем же создавать еще одну организацию к тысяче русских организаций, уже существующих? — да еще и с претензией на особое представительство (параллельное представительству русскому) перед внешним миром!?

Можно наверняка сказать, что русские не потерпят ятлом с собою никакого казачьего представительства перед внешним миром, даже Алпатовского (в этом случае ему наверняка грозит судьба Кулабухова!)....

А главное, о каких больших задачах можно говорить, раз и в русском, и в казачье-атаманском лагере одни лишь розни и распады, расколы и смуты?

— Словом, с точки зрения казачьей национальной программы и утверждения «Вр. Правления» не выдержат никакой критики... Но, повторяю, познакомиться с его «информацией» не вредно: от их пессимизма в нашем лагере прибавится оптимизма.

Слава Казачеству!

A. ЛЕНИВОВ.

Богатства казачьих земель

ЖИВТНОВОДСТВО.

В народном хозяйстве Казачьих Земель, где основной базой существования населения является сельское хозяйство, животноводство представляет собой вторую отрасль последнего (первая — земледелие).

Испокон веков, казаки благодаря историческим условиям, именно непрерывной военной деятельности и соответственной с этим фактом сравнительно малой численностью населения (вследствие больших потерь), не могли в течение известного периода времени обрести абсолютной экономической независимости... В силу означенного, казаки, отягощенные военными заботами, не могли всецело отдаваться ведению своего хозяйства. Вот почему, казачье народное хозяйство имел поначалу довольно примитивные формы ведения... Основными источниками экономического существования казачьего населения в эту пору были, главным образом — военная добыча, рыбная ловля и звероловство. В иных местах казачьего расселения, казаки положили начало животноводству путем проведения мены своих естественных богатств на скот, поставлявшийся степными народами, как то имело место у Оренбургских и Яицких казаков.

Казачье животноводство складается из следующих основных видов: скотоводство, овцеводство, свиноводство, козоводство, и побочных видов: кролиководство, верблюдоводство, оленеводство, а также разведение буйволов и мулов.

Развитие скотоводства относится к последним годам 17-ого столетия, когда казаки начали придавать серьезное значение этой отрасли животноводства, усматривая в развитии скотоводства главнейший экономический фактор благополучия казачьего народного хозяйства. Скотоводчество, составив главный промы-

сел казаков, сохраняло, однако, на долгие времена простое и незатейливое формы в своем проведении, т. к. на всем лежала печать примитивного пастушеского быта. Скот содержался в степи и пастушеские формы скотоводства — гурты рогатого скота, за коим присматривали пастухи и специально обученные собаки, были господствующими! Скот принужден был сам добывать корм с земли, зимою коровы и быки должны были разгрести копытами снег, чтобы добыть лежавший под ним сухой корм. О заготовках сена для домашнего погребления скота не было и помина...

Причины подобной отсталости казачьего скотоводческого хозяйства в описываемые времена надлежит искать не в отсутствии благоприятных условий для развития скотоводства, а именно в отсутствии, главным образом, не предпримчивости, а нужных знаний у казаков, как сельских хозяев. Между тем, в Казачьих Землях имелись на-лицо весьма благоприятные условия для развития и совершенствования скотоводчества, прекрасные пастбища вдоль рек, неплохая распахка пахотоспособных площадей, вообще большое количество кормовых угодий, обилие удобных мест на казачьих реках и балках для заведения хуторских заимок, произрастание в громадном количестве камыша (могущего быть утилизированным для защиты скота от ветров и буранов) и т. д. Учитывая, далее, теплый климат, бугровато-солончаковые земли, определявшие собой пастбища, соответственно с этим ненужность больших особых затрат труда и капитала. Скотоводчество могло развиваться лишь тогда, когда казаки обретут нужные знания и точно уяснят цель, ради которой они занимаются или хотят заниматься скотоводчеством.

Почему-же отсутствовали надлежащие знания у казаков?... Ответ один, русское правительство, забывая всех казаков на военную службу, не давало никакой возможности последним заниматься улучшением своего экономического положения... Более того, русское правительство старалось разрушать хозяйство, в частности, скотоводство, являвшегося в те времена самой полезной, наиболее экономически выгодной и важнейшей доходной статьей в казачьем народном хозяйстве. Дабы не быть голословными в сделанных выводах, приводим один из показательных документов, который, конечно-же, никогда не будет воспроизведен ни анти-самостийным экономистом, ни анти-самостийным историком... Итак, цитируем: «Комитета об устройстве войска Донского Всеподданейший доклад, отдел 4-ый. По части поземельной. Параграф. — Зло, причиненное станицам: — Тяжесть зла, причиняемого станицам, трудно исчислить. Чиновники захватили во владение свое почти все лучшие сенокосы, пастбищные места, водопой и опустошают общественные леса, обстраивая из них поселки, хутора, мельницы и другие хозяйственные свои заведения. Не удовлетворяясь тем, что сами и крестьяне их пользуются обширнейшими допольствиями, из присвоенных земель многое отдают в кортому для попасов скота посторонним или и самим казакам, а скот свой пускают в остальные станичные пастбища: если-же казачий скот зайдет на захваченную им землю, то берут с него, с хозяев, денежный выкуп. Некоторые не допускают казаков пользоваться водопоми, у них же отторгнутыми, иначе говоря, как за особенную плату, многие же из чиновников, устроив в юртах поселки, и сверх того, имея в оных же отдельные хутора, получают притом еще и паи из общего станичного доволствия и проч. и проч. Стесненные казаки тщетно прибегали с жалобами своими к войсковому и местным начальствам, которые, быв участниками зла сего, вели только наружную переписку, но не оказывали им никакой действительной защиты. Отчего некоторые станицы вынуждались, по неимению сена, скот свой кормить незрелым хлебом и древесными ветвями или платить тягостный оброк кортомщикам за те самые полосы, кон у них отняты и отдаются посторонним людям за деньги».

С половины 19-ого столетия, несмотря на значительно развивавшееся земледелие, скотоводство начало получать весьма большое развитие. Большую роль в данном отношении сыграли мероприятия, принимавшиеся казаками к улучшению своего экономического благосостояния. Прежде всего, само земледелие, именно обработка земли, перевозка и т. д. требовало рабочей силы в виде быков, т. к. лошадей не всегда и не везде хватало, в виду того, что казачьи лошади в огромном большинстве шли в ремонт русской кавалерии. Далее, скотоводство начало принимать формы промыслового занятия, в виду большого значения в промышленном отношении, помимо непосредственного удовлетворения населения пищевыми продуктами.

На Дону культивировался, главным образом, т. н. калмыцкий красный скот, славящийся отличным вкусом своего мяса, вполне искупающим относительную скудость в молоке, что в свою очередь покрывается с лихвой изобилием жировых веществ в молоке. Общие условия на Дону для развития скотоводства более выгодные, чем для земледельческих занятий; больше выгодных для него земель и меньше требуется затрат для ведения его. В силу того, что донские степи являют обилие удобных пастбищ и возможность держать скот на подножном корму, с 80-х годов прошлого столетия началось усиленное развитие скотоводства. Многие казаки начали применять стойловое содержание скота, построили теплые дворы, для прокормления скота начали сеять травы и кормовые корнеплоды. Подобные начинания определились, когда казаки вполне учли увеличивавшийся рост требований на мясные и особенно молочные продукты. Вот почему основным характером скотоводства на Дону, стал преимущественно крупный рогатый скот мясо — рабочего направления. В общем счете, к началу 20-ого столетия казаки стремились заменять, однако, мясо — рабочий скот молочным, искать для этой цели подходящих

кровных животных (производителей), предпочитать стойловое кормление скота пастбищному, зеленый корм сухому и т. д. Тем не менее, в виду того, что, по условиям транспорта, снабжение мясными и молочными продуктами — отдаленных пунктов сбыта, было налажено весьма плохо, казаки не имели должной выгоды, будучи часто принуждаемы слагавшимися условиями к продаже своих фабрикатов за бесценок, являвшимся шабаям (перекупщикам) в станицы и хутора.

В 1914 году, считалось 2.254.000 голов рогатого скота, т. е. столько-же, как в Дании и Голландии, и более чем в Бельгии и Швейцарии. Иначе говоря, молочное хозяйство в указываемых государствах имеет первенствующее значение в отношении поддержания стабильности и дороговизны туземной валюты, а что собой представляют голландский гульден или швейцарский франк, казаки отлично знают по каждодневным колебаниям мировой денежной биржи. Следовательно, рационально поставленное использование крупного рогатого скота в указанных «молочных» странах, приносило крупный доход для последних: сравнивая с указанным, усматриваем, что не рационально поставленное использование крупного рогатого скота на одном лишь Дону (главным образом, в зависимости от «мероприятий» русского правительства), приносило также крупный доход... Вспомним, что хорошая корова давала у нас от 200 до 400 ведер молока в год, обыкновенная корова приносила в среднем до 75 ведер в год: напомним, что «крынка» молока продавалась по 1 копейке, следовательно, ведро молока имело продажную цену в 1 рубль. Учитывая, что наблюдавшийся ежегодный прирост телят в период до 1916 года, устанавливается нормой в 17.6 % и, принимая во внимание наличия 2.254.000 голов крупного рогатого скота на Дону в 1914 г., видим, что самый малый доход от одного лишь молочного хозяйства приносил Донским казакам до 38.000.000 рублей. Вспомним и тот факт, что этот русский рубль 1914 года равнялся 3 золотым французским франкам.

Плохо было поставлено дело с маслоделными, почти не было сыроваренных предприятий, отсутствовали сепараторы, а если кое-где и имелись последние, то таковые работали посредством конного привода и т. д. Ничего нет удивительного в том, что когда в Донскую столицу — Новочеркасск приезжали извне, то гостям предлагалось — голландский сыр, швейцарский сыр, датское сепарированное молоко (т. я. «сливки»), ибо продуктами местного туземного молочного хозяйства являлись лишь скоропортящиеся фабрикаты — «сызьяма», «каймак», «присяга»). Но ведь мало говорить еще о молоке, когда крупный рогатый скот давал еще мясо, шкуры и т. д. Опять-же отсутствие холодильников, недостаток кожевничных заведений, не давали казакам того дохода, которые следует ожидать при рационально поставленном использовании....

Казаки не имели всех тех выгод от своего скотоводства, какие могли бы иметь. Изучая статистические данные, легко усмотреть, что в тот момент (за 1914 год), когда 100 англичан имели 26.1 голов крупного рогатого скота, 100 русских мужиков — 29.3 гол., 100 немцев — 30.0 гол., 100 французов — 32.1 гол., в этом же 1914 году 100 Донских казаков являлись владельцами 58.0 голов крупного рогатого скота... Здесь будет уместным поставить вопрос, а что если-бы не только Донцы, а вообще все казаки работали только на Казачество, отдавая последнему получаемую прибыль от своих экономических богатств (даже при нерациональном использовании), вероятно, казачий рубль стоил не только не дешевле русского рубля (в французских золотых франках), но, быть может, дороже и голландского гульдена, и швейцарского франка, т. н. валюты с «высокой расценкой», применяющихся при международных финансовых расчетах... Ведь будем знать, что **Казакция имеет много больше естественных богатств** (притом порой — мирового значения), чем Голландия или Швейцария. Разве-же казаки до 1920 года ходили зарабатывать свой кусок хлеба куда-нибудь за границу: нет, наоборот, казаки давали зарабатывать кусок хлеба на казачьей земле, начиная от простого русского мужичкишки и кончая высоко просвещенным европейцем....

Крупный рогатый скот на Дону являлся весьма

подходящим для местных условий, однако-же, признавая это, в отношении повышения и, качества и, количественности казачьего молочного хозяйства, можно было последнее поднять на более значительный уровень путем ввоза представителей иных пород, как то симментальской, тагильской и т. д. Отметим, что удоилность тагильских пород составляет 2 ведра молока в сутки, а масла накапливается от одной коровы 2—4 пуда. Как выше было указано, подобные производители ввозились на Дон, но в крайне ничтожных количествах.

В 1914 году на 100 десятин посева приходилось на Дону — 41.0 голов крупного рогатого скота, на 1 казачье хозяйство определялось — 1.0 рабочего скота (волов), на 100 десятин посева значилось — 10.2 рабочего скота (волов). В том-же году насчитывалось по отдельным округам крупного рогатого скота: Донецкий — 549.000 голов, 1-ый Донской — 442.000 голов, 2-ой Донской — 343.000 голов, Сальский — 294.000 голов. В 1916 году насчитывалось на Дону всего 2.801.000 голов крупного рогатого скота.

Кубанское скотоводство ведет свое начало от момента переселения Черноморских казаков на Кубань. Обилие незанятых культурами земель, горных склонов, дающих великолепную растительность, обширные степи, дешевизна стойлового содержания скота, обилие речек и ручьев родниковой воды, бежавших на дне каждой балки, представляли собой наилучшие условия для ведения примитивного скотоводческого хозяйства. Однако, прошло довольно много времени, пока пригнанный тяжеловесный мясной т. н. «черкасский» скот, освоился с климатом. В докладе Войскового Атамана Котляревского на царское имя от 1-ого декабря 1797 года, знаается, что «Вознаграждающим войску обстоятельствам устраивать себя и возрастать, сугубо действует и сие: каждое лето на рогатый скот по необычности с климатом бевают сильный падеж, а по скудости нужного для присмотра их состояния столько убывает оного, что многие старшины и казаки лишились пригнаного ими из прежних жилищ». Все-же скотоводство процветало, как на Черноморьи, так и на Линии, серый круторогий высококачественный «черкасский» скот приобрел широкую известность и всеобщее признание!...

В начале семидесятых годов прошлого столетия, когда на Кубани последовало образование частной земельной собственности в виде т. н. офицерских участков, а также незанятая земельная площадь стала быстро сокращаться под влиянием интенсификации зернового хозяйства, скотоводство начало быстро приходить в упадок. Совместно с этим, наступило катастрофическое сокращение вывоза крупного рогатого скота с Кубани, что возможно объяснить, с одной стороны, увеличивавшимся ростом городского населения, с другой стороны, уменьшением толков. Подобные факторы способствовали тому, что скотоводство обратилось в подпорный промысел, тогда как земледелие стало доминирующим хозяйственным промыслом.

Именно в это время наступил перелом в организации общей системы кубанского скотоводства, ибо явно обозначился уклон в пользу интенсификации молочного скотоводства. И это начинание было тем более в пору, что благодаря паровой смене, явилась полная возможность для выпаса большого количества скота, каковым обстоятельством воспользовались в полной мере кубанские казаки, начавшие разводить по станицам почти исключительно молочный скот. Подобным образом, скотоводство в настоящем подлинном его значении стало составлять специальный промысел собственно хуторского хозяйства, ибо станичному населению принадлежали лишь т. н. «череды» (общественные стада).

В 1914 году насчитывалось всего 1.320.00 голов крупного рогатого скота на Кубани, причем на 100 жителей приходилось 44.2 голов, а на 100 десятин посева — 39.9 голов. В тот-же период времени исчислялось рабочего скота (волов), на 1 хозяйство — 0.4 голов, а на 100 десятин посева — 3.6 голов. В 1916 году насчитывалось всего 1.319.400 голов крупного рогатого скота на Кубани. Наибольшее количество крупного рогатого скота находилось в Ейском отделе, где насчитывалось всего 273.000 голов.

Говоря о скотоводстве на Казачьей Ривьере, следует отметить, что таковое совершенно не развито. Поголовья крупного рогатого скота содержатся исключительно для эксплуатации их рабочей силы в сельском хозяйстве, грузовом и пассажирском движениях. а равно для получения продуктов чисто домашнего потребления. Вот почему, мясо, масло и сыр неизменно ввозились с Кубани на Казачью Ривьеру. К началу 1913 года насчитывалось всего 36.539 голов крупного рогатого скота на Казачьей Ривьере, причем скотоводство было развито наиболее в южной части, где для выпасов скота пользовались склонами гор. В период послевоенный лишь началось культивирование хороших пород молочного скота, но опять в весьма скромных размерах. Между тем, Казачья Ривьера, представляя собой богатейший край, а также являя наличие превосходнейших рынков для сбыта в виде курортов и благоприятных условий экспорта (портов), определяет самые большие возможности для интенсификации скотоводства.

На Тереке, скотоводство обеспечено неиссякаемым запасом прекрасных горных пастбищ и обилием превосходных сенокосных лугов. Наиболее развито скотоводство в Владикавказском, Грозненском, Кизлярском, Нальчикском и Сунженском районах. В 1914 году насчитывалось всего 956.000 голов крупного рогатого скота на Тереке, причем на 100 жителей приходилось 75.0 голов. При другого рода расчете определялось 88.6 голов крупного рогатого скота на 100 десятин посева, на 1 хозяйство приходилось 0.1 голов рабочего скота. В 1916 году считалось 945.800 голов крупного рогатого скота на Тереке.

В Астраханском войске скотоводство культивировалось в тех-же формах, какие присущи их близким соседям калмыкам. Разница была наблюдаема лишь в способах выкормки крупного рогатого скота, ибо казаки не держали постоянно свой скот на подножном корму, но заготовляли в достатке фураж на долгие зимние месяцы. С наступлением весеннего половодья, отзимовавший в зимовниках скот, перегонялся в степи нагорного берега р. Волги, где и оставался до наступления осени, когда опять помещался на стойловое содержание в зимовниках. Скот разводился преимущественно калмыцкой, отчасти и киргизской породы. В течение всего 19-ого столетия не наблюдалось абсолютно никаких изменений по части улучшения скотоводства. Лишь в 1905 году войско начало оказывать ежегодную субсидию в размере 2 тысяч рублей на приобретение казаками племенных животных. В Астраханском войске насчитывалось крупного рогатого скота: в 1850 году — 12.528 голов, в 1860 году — 12.515 голов, в 1871 году — 19.622 голов, в 1881 году — 19.724 голов, в 1890 году — 35.539 голов, в 1900 году — 20.036 голов, в 1910 году — 35.816 голов.

В калмыцкой части Астраханского войска прогресс развития скотоводческого хозяйства шел следующими этапами, именно, насчитывалось крупного рогатого скота — 124.690 голов, в 1827 году, 143.345 голов в 1863 году, 163.551 голов в 1867 году, 206.363 голов в 1909 году, 164.536 голов в 1913 году, 252.581 голов в 1916 году.

Учитывая скотоводческое хозяйство степных народов, проживающих на территории Астраханского войска, именно: т. н. Юртовских татар, т. н. Кундровских татар, т. н. татар Бухарского, Гилянского и Агржанского дворов, Каракалпаков, армян, туркмен, киргиз Внутренней Орды, устанавливается, что в 1914 году на территории Астраханского войска исчислялось всего 1.000.000 голов крупного рогатого скота. В том-же году на 100 жителей приходилось 75.8 голов крупного рогатого скота, на 100 десятин посева — 163.1 голов, на 1 хозяйство — 0.2 голов рабочего скота (волов), на 100 десятин посева — 6.6 голов рабочего скота (волов). В 1916 году в Астрахани насчитывалось всего 1.363.700 голов крупного рогатого скота. Вообще, надо отметить, что территория Астраханского войска является главным скотоводческим районом Казачьих Земель.

В Ставропольи скотоводство было наиболее развито в уездах: Благодарненском, Медвеженском и Ставропольском, причем самое большое число голов крупного рогатого скота приходилось на Благодарненский

уезд (188 тысяч). В 1914 году насчитывалось 786.000 голов крупного скота, на 100 жителей приходилось 58,5 голов, на 100 десятин посева числилось 29,4 голов. В том-же году было установлено, что на 1 хозяйство приходилось 0,1 голов рабочего скота (волов), а на 100 десятин посева — 1,8 голов. В 1916 году насчитывалось всего 809.900 голов крупного рогатого скота в Ставрополье.

Обилие удобных пастбищ (третью часть земель владения Уральских казаков составляют солончаковые земли) и вытекающая из этого положения возможность содержания скота, даже и в зимнее время на подножном корму, вызвали усиленное развитие скотоводства в Уральском войске. Интенсификация скотоводческого хозяйства началась в последнем приближенительно с концом 40-х годов прошлого столетия. Приблизительно в это время, казаки начали закупать в большом количестве киргизский скот и откармливать на войсковых пастбищах, для последующей перепродажи на рынке. Подобный вид скотоводческого промысла, как т. н. «нажировка», получила особое развитие в среде Уральского войска, почему число казаков скотопромышленников начало весьма возрастать. Не замедлили последовать в скором времени и ограничительные мероприятия со стороны войсковой администрации, выразившиеся в установлении количественных норм скота, допускаемого к бесплатному попасу на войсковых пастбищах. Одновременно была установлена пошлина или акциз на излишний скот (сверх

норм), выскавшийся для «нажировки» на войсковых пастбищах. В общем, допускалось пасти на войсковых пастбищах: 210 голов крупного рогатого скота — штаб-офицерам, 140 голов — обер-офицерам, казакам — 70 голов. На сверх-нормы выскавшийся скот взимается акциз в размере по 15 копеек от головы крупного рогатого скота, как в зимнее, так и в летнее время.

К 1914 году развитие скотоводства в Уральском войске приняло столь широкие размеры, что еще в 1903 году была устроена на войсковые средства маслодельня в ст. Кирсановской, перешедшая далее в собственность указанной станицы.

В Оренбуржьи скотоводческое хозяйство достигло чрезвычайно высокого развития, в особенности с наблюдавшимся в предвоенные годы развитием травосеяния и промышленного маслоделия. В Оренбуржьи распространена исключительно киргизская порода крупного рогатого скота. Средний рост волов этой породы составляет около 1 аршина 14 вершков, а средний живой вес для волов летнего нагула колеблется от 32,5 пудов до 38 пудов. Убойный вес такого скота составляет от 54 до 60 %. Способность этого скота к откорму очень велика, а по качеству мяса таковой считается лучшим между всеми породами туземного скота в Казачьих Землях. Согласно статистических данных за 1910 год, в Оренбургском войске насчитывалось 1.142.802 голов крупного рогатого скота, причем на 1 голову приходилось в Оренбуржьи 6,7 десятин земли.

(Окончание следует).

Казачья эмиграция

ВК в Румынии

ПАНИХИДА ПО КАЗАЧЬИМ ПАТРИОТАМ.

Как известно, после Великой войны, во всех странах установлен день поминовения героев. Ежегодно в этот день каждая страна чтит своих героев, отдавших жизнь за Родину и Nation.

Вверху — панихида, внизу — после панихиды.

День героев в Румынии приурочен ко дню праздника Вознесения Господня. В этот день по всей стране во всех церквях и на кладбищах, служатся панихиды по патриотам, отдавшим жизнь за Румынию. Ду-

ховенство, представители власти, воинские части, учащаяся молодежь и многочисленная публика наполняют кладбища, где произносятся речи в честь павших на поле брани.

Вольные казаки в Бухаресте во главе с окружным атаманом сотником Маргушиным также в этот день, 18-го мая, собрались на местном кладбище района Бухарестской вольно-казачьей станицы, где вместе с местными гражданами отдали честь героям, погибшим за свою страну, в которой казаки эмигранты нашли приют и гостеприимство.

По отдаче чести румынским героям, окружное правление пригласило русинского священника отслужить панихиду по казачьим патриотам, жизнь свою положившим за Казачество. Панихида и была отслужена среди могил казаков, нашедших вечный покой на этом кладбище.

По окончании панихиды и отдаче чести павшим казачьим героям, в одном из местных ресторанов вольные казаки помянули усопших и выпили за здоровье живых казачьих патриотов, во главе с Походным Атаманом инженером И. А. Билым.

Слава Казачеству!

Сообщил Е. Ажогин.

— « —

ВК во Франции

ДОПОЛНЕНИЕ К ОТЧЕТУ О ДЕНЬГАХ, СОБРАННЫХ В ПОЛЬЗУ ВДОВЫ ПЛЕШКОВОЙ.

Десять франков, помещены в № 263 «ВК» в отчет о деньгах, собранных в пользу вдовы и детей покойного казака Пleshкова, неизвестно от кого поступившие, — следует считать пожертвованными казаком В. В. Д. И. А. Ивановым.

— « —

От вдовы казака Пleshковой есть два письма, в которых она подтверждает получение собранных в ее пользу 852 фр. 50 сант. и просит передать ее искреннюю благодарность всем казакам и казачкам — жертвователям, которые поняли ее нужду и горячо на нее откликнулись.

Атаман Парижской имени казачьего историка Сухорукова станицы,

С. Федосеев.

БОЙТЕСЬ ЗМЕЙ

В 1935 г., когда болгарских казаков посетил И. А. Билый, один казак, провозжая его из Торговища, сказал: «Атаман, остерегайтесь змей, змеи ползают всюду и в любой момент могут укусить». Во время его второго приезда то же самое сказал другой казак в Софии. Не уберегся — змеи ужалили... К счастью, укус был не смертельный...

В настоящем году вновь избранный Донской атаман, объезжая Болгарию, побывал у нас и я вновь услышал от казаков: остерегайтесь змей, Вас окруживших. Они с одинаковым чувством пьют сегодня за ваше здоровье, а завтра полетят доносы к Абрамовым-Ясевичам... Ведь все они — их пособники»...

После отъезда Попова, мне случайно пришлось встретиться в канцелярии атамана ст. Горно-Ореховской с одной донской казачкой (замужем за русским), — большой «политичкой», как она себя называет. Обращаясь ко мне, она сказала:

— Знаете, г-н Ковалев, я никогда не предполагала, что в нашем районе есть большевики, а вот теперь, как я увидела на встрече Донского Атамана, так их было там целых два стола. А особенно ваша речь была чисто большевистской, просто неприятно было слушать...

— Знаете, мадам, мне когда неприятно слушат бредни ваших русских сородичей, так я к ним просто не хожу. Советую и вам делать то же. Вспомните ответ Федорова вам: «если вам неприятны самостийники, вы с ними не разговаривайте»... Казаки как нибудь и без вас разрешат свой казачий вопрос...

— Но ведь я казачка и в таком случае к вам на Дон не поеду и буду всеми силами бороться за Россию против вас, изменников.

— Видите-ли, мадам, для меня совершенно неприятно, о какой России вы говорите, о реальной или мифической?

— Конечно, о реальной!

— Тогда какого-же чорта вы здесь сидите?

— Да если вы патриот казак, то почему вы женились на болгарке и дети ваши не говорят по-русски?

Здесь, видимо, великая «политичка» совершенно позабыла, что она сама, при наличии тысячи казаков, не могла найти себе мужа казака, а вышла замуж за русского. У нас (не знаю, как где) с такой казачкой даже не здоровались.

Так ведут борьбу бабы при поддержке атамана «поповца».

Но ведь это баба, что с ней можно спросить? А вот донской есаул «атаман» В.-Тырновской станицы, тоже «поповец». Судьбе бывает так угодно, что мне с ним иногда приходится работать, и, естественно, говорить на «больные» темы. Этот немного мягче, он не называет нас изменниками, но никак не может себе представить, как он будет жить без России, так много сделавшей для Казачества добра, и как можно допустить, что казаки особый народ? На мой вопрос, что же дала Россия Казачеству? его ответ был: «Да как же, — свободно жили, получали землю, не платили налогов и много другого...»

Есть-ли в мире народ, платящий больше налогов, чем казачий? Ведь если принять во внимание его трехлетнюю службу на своей лошади со своим обмундированием и минимум 4 года еще казак кормил своего коня, не извлекая от него никакой пользы, не имел права его впрягать... А ежегодный выход в лагерь в самое рабочее время, оставляя все хозяйство на плечи казачки? А сколько неожиданных мобилизаций для введения порядков? и пр. и пр. Разве это был не тяжелейший налог? Ведь если казаки жили хорошо, то только, благодаря их любви к труду и земле! Очень жаль, что казачьи есаулы (конечно не все) не знают всей тяжести казачьей жизни. Вкусивши «прелести» Москвы, они никак не могли видеть величайших жертв, которые казак нес во имя величия Руси. Там для них (людей с механическими мозгами) трудно было все это видеть, но ведь здесь, мне кажется, за 20 лет могли бы они кое-чему научиться! Или горбатого могила исправляет?

Не менее забавен и атаман Дольно-Ореховской станицы, тоже «поповец» и «вольный казак». После

отъезда Попова, он высказал глубокое сожаление, что не обратился в полицию, чтобы нас всех «арестовать и выбросить из помещения встречи атамана Попова»...

Вот почему нас, казаков националистов «крыла Билого», невидно в рядах «поповцев».

Мы можем «изменически» чествовать, можем писать «неправду», в «ВК», но мы не можем не уважать и плевать в своих избранников и их последователей лишь только потому, что они скромны в своих требованиях и недвусмысленно, а с открытым забралом, честно и открыто борются за Долю и Волю Казачества.

Вышеприведенные типы (иначе их назвать нельзя) нам не были полезны в прошлом, не полезны они теперь и не могут быть полезными в будущем. Вот почему не плачьте, что нас, «Биловцев», нет между ними. Верю и даже эхотно, что Биловцы, Поповцы, Коноводовцы, Балыковцы и др. (только не русские казаки) в самом скором времени будут вместе, для этого не нужно многого, нужно немного доброй воли...

Ни Абрамовцы с их генералами, плюющими в казачью душу, ни Науменковцы и Вдовенковцы, говорящие одно, а делающие другое, с нами не будут, да и будет непрослительным грехом, если они опять окажутся в наших рядах в качестве все тех же «радетелей»...

Некоторые слова Донского атамана и Федорова заставили казаков немного призадуматься, а именно: «мы побывали у атаманов Кубанского и Терского и «поняли» друг друга»... А через несколько дней читаем «декларации» атаманов, где они явно и недвусмысленно призывают на борьбу с самостийниками. Что это? Донской атаман с Федоровым обманули казаков, или атаманы обманули Донского атамана и Федорова?

Я лично не верю, чтобы Донской атаман и Федоров говорили неправду, но как они легко поддались внушениям Науменко и Вдовенко?

Другое, не мало волнующее казаков, это: если Донской атаман счел своим долгом пойти на переговоры с явными предателями казачьих идеалов, не имеющих за собой даже десятка здравомыслящих казаков, то почему не сделано ни одного хотя-бы намека на сближение с Атаманом ВК, который имеет не одну сотню идейных, жертвенных, бескорыстно служащих родному идеалу казаков? Или Науменко есть величие, а Билый — пустое пространство в воздухе?

Нам пишут многие: поддержите Донского атамана всеми силами.

Несмотря на свои молодые годы, у меня лично не хватает сил поддерживать неопределенность.

Пишут, что Биловцы поотбивали себе руки, аплодируя Попову.

Не могу отрицать, казаки националисты всякое правдивое слово поддерживают, если оно брошено в защиту Казачества.

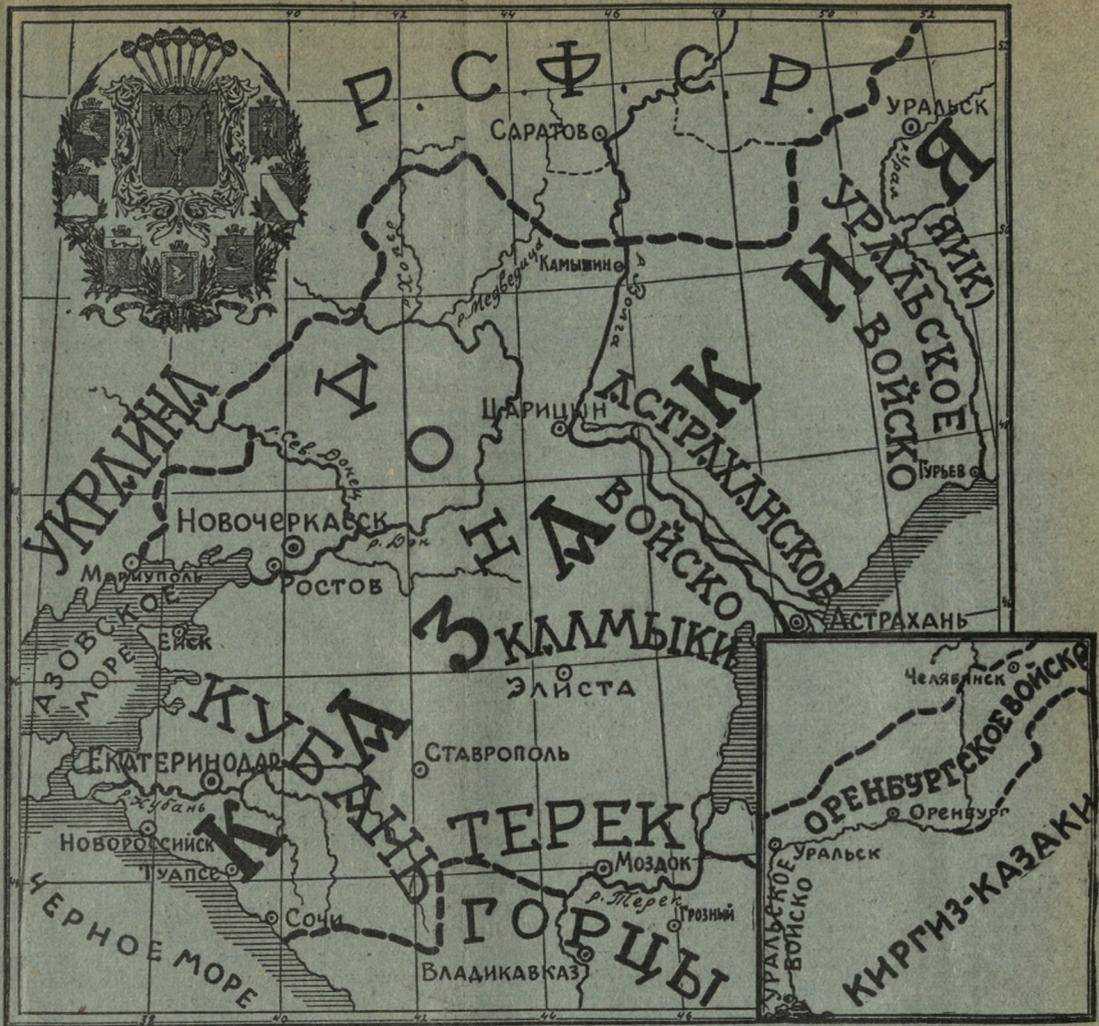
Некоторые идут дальше, причисляя меня к Биловским «столпам» и что я, не понимая своей «ошибки», слепо поддерживаю его (Билого). Это неправда. Никогда и в голове не зарождалась у меня мысль быть великим человеком, а тем более быть слепым оружием у Билого. Скажу больше, что и с И. А. Билым мы не редко не соглашались, но не могу я согласиться с господами Лазаренковыми, чтобы Билый ушел в небытие. Работа Билого, как мне, так и другим, без очков видна вот уже 11 лет. Работа Донского атамана Попова еще не начиналась, а если и начата в некоторых местах его представителями, то так неудачно, что можно заранее поставить крест на их затее.

Поверьте, братья, что не злорадствуя, пишу я эти строки, а с чувством глубокой скорби. Не Билому я кланяюсь, а идее, которую он проводит на протяжении десятка лет.

Вот если-бы я заметил его уклон хотя-бы на шаг в сторону, то — тогда дело другое, тогда разговор был бы иной...

Не злорадство и ложь объединит нас, а искренняя любовь и доверие друг к другу и благо Родного Края. Слава Казачеству!

Н. Ковалев (Болгария).

Принимается подписка на 1939 год на
иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	50 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы
1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bily: 8, rue Fantin Latour, Paris (16).